

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

МИХАИЛ ТЫРИН

ЖЕЛТАЯ ЛИНИЯ

ЭКСМО

Михаил Юрьевич Тырин

Желтая линия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126557
Михаил Тырин. Желтая линия: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-01475-6*

Аннотация

Черт знает до чего может довести желание вырваться из однообразия будней! Для Бориса Еникеева подобное стремление обернулось еще более страшной каторгой. Ледяные просторы чужой планеты, а затем чудовищные болота Водавии – и война, огонь, кровь и ежедневный смертельный риск. А в награду справедливая Космическая Цивилизация, солдатом которой стал Борис, щедро наделила его, как и каждого своего подопечного, миской баланды и мечтой о светлом будущем. Но изощренный земной ум всегда найдет выход...

Содержание

Пролог	4
Часть I	7
Часть II	121
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Михаил Тырин

Желтая линия

Пролог

Пустая, покрытая снегом дорога блестела в свете луны. С обеих ее сторон громоздились кочки замерзшего болота, кое-где торчали спутанные голые кусты и чахленькие деревья. Все здесь казалось мертвым. Лишь два или три огня неверно мерцали где-то вдали, почти на горизонте.

Он смотрел на эти огни, думая о жилье, о теплых стенах, о сытном ужине. Окоченевшие руки ничего не чувствовали, рваная осенняя куртка почти не спасала от мороза. На клочковатой бороде, на бровях и ресницах белел иней. Звонящий пар вырывался изо рта при дыхании и надолго повисал в неподвижном воздухе.

Он был один на этой дороге. Он шел, хотя ему некуда было идти, и его не ждали ни в одном из домов, где топили печь и накрывали на стол. Ноги болели от усталости. Все чаще ему приходилось останавливаться, чтобы просто постоять, собраться с силами. Уже несколько раз он падал от усталости.

В замороженном воздухе вдруг повис звук мотора. Он был еще далеко и нарастал очень медленно. Но наконец две бе-

лые фары полыхнули из-за поворота. Он повернулся и, не удержавшись, снова упал на дорогу.

Скрипнули тормоза, колеса прошуршали по снегу. Гулко стукнув, открылась дверь грузовика, и чей-то неразличимый силуэт высунулся из кабины.

– Эй! – послышался хриплый, чуть испуганный голос. – Ты чего там?

– Ну, что он? – спросил второй человек в кабине, водитель. – Живой?

– Не знаю... Лежит. Эй!

Человек наконец не выдержал и выбрался из кабины. Осторожно и с опаской подошел к лежащему.

– Может, машина сбила? – предположил его напарник.

Человек тронул лежащего носком ботинка. Тот зашевелился. Поднялся с большим трудом, сел.

– Возьми... – еле слышно проговорил он и вытащил из-за пазухи мятый лист бумаги.

Человек машинально взял лист, отступил на пару шагов.

– Живой, – сказал он. – Бомжина какой-то. Наверно, пьяный.

– Ну, поехали, – сразу заторопился водитель. – Менты в гараж поедут – подберут. Поехали.

Хлопнула дверь кабины, грузовик дернулся и укатил, оставив медленно клубящееся облако дыма. Он наконец поднялся и, шатаясь, побрел дальше.

– Что там у тебя? – спросил водитель, покосившись на бу-

магу.

– Где? А-а, это... Не знаю. – Человек чиркнул зажигалкой, поднес лист к глазам. – Та-ак... «Универсальный рецепт... рецепт счастья». Чушь какая-то...

– Выкинь, – безразлично отозвался водитель. – Может, она заразная. Счастье, блин...

Смятый листок упал на снег. Колючие зимние звезды равнодушно подмигивали в вышине.

А он снова поднялся и тяжело зашагал вперед. Ему еще много предстояло сделать, хотя и некуда было идти.

Часть I

ТРУЖЕНИК

Не люблю подавать нищим. Не люблю замедлять шаг, лезть в карман, выскребать мелочь... Особенно у всех на виду. Мне кажется, есть в этом какое-то стыдное позерство. Все равно что останавливаться посреди дороги и вразмахку креститься, увидав церковь.

Не люблю подавать нищим, тем более настырным, которые смотрят в глаза, клянчат или еще хуже – начинают преследовать. В конце концов, имею я право просто идти по улице, чтобы их жалобные глаза не точили мою совесть?

И, как назло, именно такой – настырный, надоедливый, крикливый бродяга – увязался за мной, когда я выскочил из троллейбуса и, вжав голову в плечи, заторопился по тротуару.

Валил отвратительный липкий снег, застревал в волосах, в моих дырявых ботинках хлюпало. Осень начиналась с уютного листопада и задумчивого тускнеющего солнца на ясном небе, но вдруг словно обозлилась, скурвилась и что есть сил принялась хлестать город холодными ливнями и снегопадами-однодневками, замешенными на крутом ветру.

Я торопился домой, хотя там было не лучше. И тут вдруг привязался он: заросший, беззубый, трясущийся с похмелья.

Он что-то ныл, хватая меня за плащ, а я даже не мог огрызнуться. Мне просто не хотелось поворачивать голову и открывать рот – казалось, от этого станет холоднее. Я надеялся, что он отцепится сам.

Он не отцеплялся, и это становилось невыносимо. Я повернул к дверям хорошо знакомой мне пивной, хотя до моего подъезда оставалось шагов пятьдесят. Просто хотел поскорей отделаться от деда. И от снега.

– Возьмите... – плаксиво простонал дед. – Возьмите же!

И в последний момент, представьте себе, он успел сунуть мне в руку грязный и мятый листок с расплывшимися чернилами. Я заметил, у него осталась целая пачка таких же листков. Морщась от брезгливости, я взял бумажку кончиками пальцев – лишь бы он отвязался – и нырнул за тяжелые двери заведения, которые моментально отгородили меня от снега, холода и приставаний полоумного бродяги.

Внутри было душно и темно. На меня равнодушно взглянул из-за прилавка бармен по имени Вася. Я ничего о нем не знал, кроме имени. А он не знал моего имени, зато знал все остальное. Он видел, как я одеваюсь – и зимой, и летом, он наблюдал, как я отсчитываю последнюю мелочь, сдувая с нее прилипчивый карманный мусор... Он, наконец, видел, с кем я пью. Бармены часто бывают очень наблюдательны. Недаром половина из них – осведомители.

Я не мог просто войти и выйти. Скромное достоинство небогатого человека не позволяло выглядеть чудаком, жал-

ким созерцателем ценников. И у меня были деньги – как раз хватило бы на пару кружек. Правда, деньги эти я взял в долг, чтобы отремонтировать ботинки.

Пока неторопливая пивная струйка заползала в кружку, я огляделся. Из четырех «стоячих» столиков три заняты. Несколько военных курсантов энергично жестикулировали и гудели неверным сиплым баском, свойственным для взрослых мальчишек. Две девицы жадно курили, почти не разговаривая. Толстый щекастый усач неторопливо хлебал из кружки и высокомерно оглядывал публику. Все как обычно.

Я встал за свободный столик спиной к остальным. Пива совсем не хотелось, хотя говорят, у пьющих мужчин так не бывает. Хотелось домой. Хотелось обернуть мокрые холодные ноги полотенцем и включить телевизор.

– Можно? – кто-то поставил рядом свою кружку.

– Пжалста, – буркнул я, даже не поворачивая головы.

Что-то было не так. Что-то беспокоило, как камень в ботинке. И тут я понял: бумажка! Я не избавился от грязного листка, который сунул мне бродяга. Кажется, я положил его в карман вместе с остатками денег.

Так и есть. Прежде чем выкинуть эту гадость, я все же взглянул на чернильные каракули. Я разобрал: «Очарование и разочарование. Дневники утомленного странника, прилежного труженика, храброго солдата, образцового гражданина...»

Так и есть, дед оказался сумасшедшим. Я даже побрезговал комкать бумажку, просто разжал пальцы.

– Извините... – Мой сосед нагнулся и поднял ее. Я мысленно фыркнул, а незнакомец прочитал первые строчки и вдруг расхохотался.

– Чертова судьба, – сказал он.

Я наконец посмотрел на него. И остолбенел.

Я знал этого человека. Я часто видел из окна, как он подъезжает к соседнему дому в длинной белой иномарке с мигалкой. Как холуи выносят за ним ящики с вином или пивом. Как тонконогие дамочки в мехах скрываются с ним под козырьком подъезда.

Я, выглядывая из своего окна, тихо, исподтишка ненавидел его: сытого, самоуверенного, держащего весь мир в кулаке.

И сейчас, стоя в этой довольно грязной пивной, он был одет в прекрасное кашемировое пальто, а на пальцах топорщились перстни. И даже его лысина, окруженная коротким стриженным венцом, казалась чем-то очень дорогим, значительным и роскошным, словно подлокотник кожаного дивана.

Как он здесь оказался? Как его угораздило переползти сюда фактически с другого конца жизни?

Он отпил из кружки, поморщился. Так-то, знай, сука, чем народ живет...

– Вам не кажется, – сказал он, задумчиво глядя на курсан-

тов, – что вот эти полосы на их лбах... Я имею в виду следы от фуражек...

– Ну? – изрек я без особого дружелюбия.

– Они похожи на следы трепанации. Кажется, что этим мальчикам сделали типовые черепно-мозговые операции, чтобы они стали офицерами.

К чему, интересно, он это сказал?

Он еще раз взглянул на бумажку, повертел ее, потом кисло улыбнулся.

– Что там такого смешного написано? – спросил я.

– А чего ж сами не прочитали? – Он исподлобья взглянул на меня. – Брезгуете людьми? Напрасно, вами тоже могут побрезговать.

Он сказал это с таким убеждением, будто им самим уже кто-то начал брезговать.

И меня вдруг разобрала тихая едкая злость. Так же, наверное, парижская голь злопыхала и веселилась, глядя на страх и унижение аристократов, когда их тащили к гильотине.

– Что? – ядовито сказал я. – Жизнь дала трещину?

Он печально взглянул на меня. Вздохнул:

– Да.

Что ж, каплю сочувствия ему удалось из меня выжать. Очень маленькую каплю.

– А я, представьте, в этой трещине с самого рождения ползу.

– Не преувеличивайте. – Он снисходительно качнул голо-

вой. – У вас было безмятежное детство, у вас были веселые студенческие деньки...

– Что, так заметно?

– Пять курсов – на лбу написано. – Он тонко улыбнулся.

– Четыре с половиной. Меня выгнали.

– Соболезную... За дело хоть выгнали?

Я промолчал. Он тоже молчал, с тоской глядя в пустоту. Он о чем-то раздумывал, следы этих раздумий ясно проступали на его широком холеном лице. Ему не нужен был я, не нужен этот бар, не нужно пиво. Он жил сейчас где-то внутри себя.

– И тебе здесь нравится? – неожиданно спросил он.

– Терпеть не могу, – признался я.

– Пошли ко мне.

– Что-о?!!

Я подумал, что ослышался. Но он смотрел на меня и действительно звал с собой.

– З-зачем? – растерялся я.

– Там есть кое-что получше, чем это... – И он флегматично вылил содержимое кружки под стол. Бармен Вася отметил этот факт лишь быстрым косым взглядом.

Проклятое мое безволие. На кой ляд, спрашивается, я согласился? Спору нет, интересно из простонародной забега-ловки попасть в дом новой аристократии, посидеть в ее креслах, попробовать, что она ест и пьет.

Это приятно. Но кем я там буду? Дворовой собачонкой,

которую пригрели из жалости. Черт побери, какой ему во мне прок, неужели не с кем больше выпить?

Проклятое безволие. Через минуту я семенил за ним через дорогу, пряча лицо от мокрых хлопьев снега. Сердце манил уют пушистых ковров, нежные объятия дорогой мебели, а если повезет, то и огонь камина.

– Так за что тебя выперли с пятого курса? – спросил он.

– Я не ходил на экзамены. Я был занят. Ночью я писал, а днем отсыпался. Мне очень нужно было это дописать.

– Стихи, что ли?

– А что, это тоже на лбу написано?

Он покачал головой и что-то пробормотал. Кажется: «Везет мне сегодня на идиотов».

Под козырьком подъезда он набрал код на замке и приложил к нему серебристый магнитный пяточок. Задвижка щелкнула, мы вошли в подъезд. Это был хороший дом. Здесь не воняло куревом, кошачьей мочой и пищеотходами.

Прозрачная коробка лифта в стеклянной шахте поползла по стене. В лифте пахло чем-то таким... не знаю, как сказать. Новыми вещами – вот! Так пахнет из коробки с телевизором, который вы только что принесли из магазина. Вы смотрите на него и еще не верите, что эта замечательная, совсем еще новая, сработанная умелыми руками вещь отныне будет стоять в вашем доме. Запах новых вещей – больше, чем просто запах.

Лифт шел быстро. Я смотрел, как двор, и люди, и машины

становятся все меньше, меньше.... И вдруг показалось, что я взлетаю. И не просто взлетаю, а улетаю от этой земли и от этой жизни, улетаю навсегда в стеклянной капсуле с мягкими кнопками, мелодичными звуками в динамике и мерцанием разноцветных лампочек.

Наваждение прошло, когда мы оказались наконец в квартире. Она была большая и, наверно, очень роскошная, но совершенно пустая. В гулких светлых комнатах я обнаружил только пару стульев, тумбочку, да еще повсюду раскиданные картонные коробки.

Правда, на паркете обозначились следы от мебели. А на стенах зияли дыры – от полок или, может быть, даже от картин.

Целая шеренга непечатых бутылок с выпивкой ожидала нас у стены. Мой неожиданный собутыльник, не снимая пальто, опустился на стул посреди огромной комнаты и жестом предложил мне поступить так же. Я сел, малость обалдевший.

Он начал разглядывать меня, чуть искоса, со скептической миной на лице. Закурил, медленно шевеля сигарету в толстых пальцах.

– Значит, поэт... – вздохнул он. – Это сейчас профессия такая?

– Нет, это призвание. А профессия – рабочий в театре.

– Рабочий в театре, – старательно проговорил он и расхохотался. – Слесарь муз! Регулировщик вдохновения! А за

это платят зарплату?

– Я получал в четыре раза меньше жены-учительницы.

– Почему «получал»? Больше не получаешь?

– Больше нет жены.

– А, ну это естественно... Что еще скажешь?

Я пожал плечами.

– Ну ладно... – Он раздавил окурочек на полу и потянулся за бутылкой. – Займемся делом.

Мне достался хрустальный бокал с отбитой ножкой – сугубо утилитарный предмет. Выпить и положить рядом, больше ничего с ним не сделать.

– За встречу! – Он качнул своим бокалом, целым. – Моя фамилия Щербатин, Роман.

– Я – Еникеев, Борис.

– Еникеев Борис... – пробормотал он. – Не слышал я про таких поэтов. Борис Еникеев. Беня...

– Меня так звали в школе. – Я насторожился.

– Естественно. Пей, Беня.

Мы заели теплую водку яблоками, заполняя паузу их тихим хрустом.

– А вы чем занимаетесь? – спросил я.

– Давай-ка на «ты». Нам еще долго тут... – Он покосился на запас спиртного. – Что ты там говорил?

– Чем ты занимаешься?

– Я адвокат. Специалист по международному праву.

– Звучит здорово. Только, наверно, скучно.

– Нет, ничего. Когда надо что-то или кого-то провезти через несколько границ и не вляпаться в неприятности – зовут меня. Бодрит, знаешь ли. Вернее, бодрило...

– А что?..

– А ничего! – оборвал он и со злостью перевернул бутылку в бокал, немало расплескав на свое пальто. – Пей, Бенья.

Мы начали пить джин, от которого меня вдруг очень здорово зашатало на стуле. Потом кончились яблоки. Щербатин куда-то позвонил, и некто в синем комбинезоне принес коробку с копчеными курицами. При этом у Щербатина возникли, как я понял, проблемы с наличностью, и он отдал гонцу один из своих перстней.

Затем как-то неожиданно оказалось, что мы сидим почти в обнимку и наперебой рассказываем о своей жизни, о бабах-стервах, от которых много натерпелись, о начальниках-свиньях, о друзьях-предателях и даже о соседях-склочниках.

Я уже забыл, что с Щербатиным мы познакомились в пивной несколько часов назад, мне чудилось, что мы старинные друзья, и поэтому я болтал много лишнего, скрипел зубами, махал кулаками, хорошо, что не плакал.

Затем мы начали было петь, но тут же со всех сторон нам начали колотить в батарею, и тогда я решил почитать Щербатину свои стихи.

Он слушал, прикрыв глаза, чуть кивая и покачивая в такт бокалом, потом сказал:

– Боже, какая белиберда. Неужели тебе хотелось тратить на это время?

Я только сокрушенно мотал головой и сжимал кулаки, поэтому Щербатин погладил меня по плечу и успокоил:

– Не переживай, ты не единственное ничтожество на этом свете, я тоже теперь пустое место.

Мы еще выпили, и его вдруг понесло. Он принялся бегать по квартире, орать в окна, а затем схватил телефон и начал звонить девочкам. Девочки приехали на удивление быстро, словно ждали, но, увидев пустую квартиру, потребовали деньги вперед. А потом устроили скандал: Щербатин пытался расплатиться с ними телефонной чип-картой, и можно себе представить, куда он эту карту собирался им засунуть. Он еще орал: «Ночной тариф – пять центов минута! Требую посекундной тарификации!..»

Девочки уехали, я не успел даже их толком разглядеть. Мы снова принялись пить и плакаться друг другу в жилетку. Мы разбили оба бокала, а я вдобавок кокнул две еще не пустые бутылки, поэтому Щербатин сам поил меня из горлышка.

– Щербатин! – стонал я. – Мне все обрыдло, я хочу назад, в детство. Там было будущее, там были надежды. Все только начиналось, а сейчас – кончается!

– Бенья, Бенья... – вздыхал он. – Пей, маленький, и не печалься. Ничего не поздно начать заново.

– Щербатин, тебе доводилось когда-нибудь так облажать-

ся, что жить не хочется, видеть никого не хочется? Скажи, было?

– Было, Беня, было. Мне хотелось куда-нибудь скрыться, уехать, стать моряком или лесорубом, только бы подальше от старых неудач. Ты готов стать моряком или лесорубом?

– Кем угодно, Щербатин! – клялся я. – Главное – самим собой. В любую глушь, в любую дыру – хоть завтра! Мне нечего тут терять.

– И мне уже нечего, Беня. Знаешь, сегодня я позавидовал тому бродяге, который пристал к тебе на улице. У него ничего нет, ему ничего не надо. У него есть жизнь и, может быть, мудрость, которой он хотел с тобой поделиться. Он в другом мире. Давай и мы сбежим, Беня?

– Куда? Везде одно и то же дерьмо.

– Ничего, Беня, найдем место почище. Главное – решиться.

– Да, Щербатин, истинная правда. – Я бил себя кулаком в грудь. – Надо решиться – раз в жизни. Сколько раз мне хотелось, чтобы мой дом сгорел, а вместе с ним – все чертовы справочки, документики, счета за газ и свет, письма, тряпье, которое жалко выкинуть. А еще лучше спастись с тонущего корабля, чтобы все дрянь потонула – а жизнь осталась...

И я начал молоть какую-то чушь о том, как хочу утром распахивать окно, и вдыхать запах леса, и исписывать груды листов, так чтоб перо догоняло мысль, и завтракать деревенским молоком и свежим хлебом, и думать думы над обры-

вом, глядя в синюю даль...

– Щербатин, я хочу говорить, что я поэт, а не разнорабочий. Почему эти свиньи при слове «поэт» сразу отодвигаются и смотрят, как на кретина?

– Мы сбежим от этих свиней, Беня... Сбежим, прямо сейчас. Есть у меня лазейка. Они нам еще позавидуют. Только не говори завтра, что сам не хотел этого.

– Хочу, Щербатин, очень хочу, – неистово клялся я. – Вывези меня из этого дерьма, помоги все начать заново.

– Помогу, Беня, помогу....

Он неверными шагами направился к телефону, но тот оказался разбит – не помню, когда это мы успели. Тогда он принялся лазить по карманам и наконец нашел мобильник. Грузно уселся на подоконник, набрал номер.

– Привет, это я... Про должок помнишь? Только нас двое. Что? Не скупердяйничай...

Я вдруг заметил, что он крутит в пальцах ту грязную бумажку, которую сунул мне бродяга. Впрочем, мне уже было плевать.

– Ну, хватит спорить, вызывай своих замораживателей... – наговаривал Щербатин в трубку. – Что? Не замораживатели? А кто? Ах, обезвоживатели...

Меня уже терзала зевота, переходящая в тошноту, в висках ломило. Я старался не думать о том, как буду себя чувствовать завтра.

– Все! – объявил Щербатин и со сладострастием рассадил

телефон о стену. Посыпались детальки.

Но и этого ему показалось мало. Он порылся в груди хлама на полу и нашел, кажется, тюбик губной помады. И этой помадой написал прямо на обоях слово из шести букв, означающее в экспрессивной форме окончание чего-либо. И поставил жирный восклицательный знак.

– Все, Бенья! Ложись, отдыхай, о нас позаботятся.

Я, идиот, даже не попытался что-то прояснить. Я был доволен, что кто-то в очередной раз за меня все решил.

Я очнулся лишь на минуту и увидел над собой человека в голубом халате.

– Спокойно! – Он улыбнулся и ввел мне в плечо иглу шприца.

* * *

– А-а-а-а!!!

Чей-то жуткий крик привел меня в чувство. Впрочем, оказалось, ору я сам. И, пожалуй, было от чего орать.

Мне казалось, что меня ломают на куски. Тело мое стало каким-то жестким, негибачаемым, будто хлебная корка. От малейшего движения – невыносимая тупая боль в мышцах и суставах. Вдобавок, было холодно. И, кроме того, я был совершенно голый.

– Девятое удаление, – послышался рядом незнакомый голос. – Не думаю, что ближе.

– А я что говорил? – присоединился еще один незнакомец. – Таких словечек, честно говоря, я еще не слышал. Не долетали до наших мест.

Они как-то странно разговаривали. Я вроде бы понимал смысл, но отдельные слова не мог бы даже повторить. Впрочем, мне было не до этого. Мне было плохо.

Я лежал в холодной металлической ванне с высокими бортами, заполненной сантиметров на пять водой. Помещение тоже оказалось холодным и голым. Здорово смахивало на старый склад – кривые стены из листового железа, потеки ржавчины, пятна краски, извести.

– Добавь соли, пусть еще поорет, – вновь заговорили рядом.

– Не думаю, что он скажет что-то новое. Пусть отмокает себе на здоровье...

Тут вдруг раздался гул, он стремительно нарастал, и все вокруг затряслось. Я почувствовал, как моя ванна вибрирует, стало страшновато. Неподалеку застучали быстрые шаги, затем послышался сварливый женский голос:

– Хватит бездельничать! Поднимайтесь, новый транспорт пришел, нужно освободить места.

Зашаркали ноги, зашуршала одежда. В моей голове тем временем зашевелились туманные воспоминания о пустой квартире и куче бутылок. Я подумал, что, видимо, попал в какой-то изуверский вытрезвитель. Пора было выбираться.

Собравшись с силами, я схватился за края ванны и сел. И

тут же снова заорал – мне показалось, что спина хрястнула пополам.

– О! Уже готовый!

На меня смотрели трое худых небритых мужиков в серых робах. На вид – типичные узники концлагеря. Неподалеку стояла и тоже смотрела женщина. Тоже в робе, но в темно-зеленой.

– Займитесь им, – сказала она и, повернувшись, зашагала между двумя рядами металлических ванн, таких же, как моя.

– Вылазь, – хмуро сказал один из «узников» и взял меня за локоть. То ли хотел помочь, то ли боялся, что убегу.

Я перебрался через край ванны и встал на холодный каменный пол. С меня текла вода. Ноги тряслись и едва держали вес тела. От холода я обхватил себя руками, но это ничуть не помогло.

– Бери вот... – буркнул второй «узник», протягивая мне бумажный мешок с одеждой.

Я начал поспешно натягивать широкие штаны и куртку из довольно грубой серой материи. Вместо пуговиц – четыре шнурка-завязки. И обувь – два мягких сапожка из эластичного материала, чего-то среднего между кожей и резиной. И еще в комплекте имелись два белых бумажных носка.

Стало теплее. Я закутался в куртку, и тут в другом конце помещения кто-то истошно заорал. Раздался гулкий удар – видимо, другой бедолага стукнулся головой о стенку ванны. Наконец, эта голова показалась над краем ванны и затряс-

лась, выплевывая какие-то неистовые ругательства.

Двое доходяг вразвалочку направились туда.

– Сам дойдешь? – спросил меня оставшийся. – Или довести?

– К-куда? – выдавил я каким-то чужим голосом.

– Вон туда, – он кивнул на дверь в конце помещения.

– П-постараюсь... А что там?

– Иди, иди...

Я поплелся к двери, хватаясь за края железных ванн. Все они оказались пусты. И лишь у самого выхода я заглянул в ванну, где лежал человек. Он был невероятно худым, скрюченным, с тонкими узловатыми конечностями. На дне ванны блестело немного воды, пахло химикатами.

Здесь была очень странная архитектура. Никаких тебе четырехугольных комнат и прямых коридоров. Я, выйдя за дверь, оказался на стыке нескольких переходов, подходящих под разными углами. Стены стояли вкривь и вкось, даже голова пошла кругом. Пожалуй, ребенок мог бы выстроить из кубиков что-нибудь получше.

Но скорее всего эти чертовы катакомбы много раз перестраивались, росли и видоизменялись. Большинство старинных зданий имеют запутанные ходы и несуразные комнаты, потому что каждый следующий хозяин привносит что-то новое.

Я куда-то пошел, опираясь о стену. Не прошло и минуты, как я очутился в очень странном месте.

С первого взгляда казалось, что это инкубатор для уродцев. Длинное помещение было заполнено мелкими ячейками на манер пчелиных сот. В каждой – скрюченное голенькое существо с большой головой и тоненькими прижатыми лапками. Кожа – серая, сухая, как бумага. Носики, словно клювы, а под ними – торчком неприятные несоразмерно крупные зубы.

Здесь был душный влажный воздух и запах закившего белья. По ржавым металлическим стенам бежали ручейки оседающей воды. Под ногами скользило.

– Почему не на разгрузке?! – грохнул вдруг за моей спиной властный мужской голос.

Я беспомощно оглянулся. Рослый угрюмый мужчина в зеленой робе глядел на меня, сверкая глазами.

– А? – только и смог проговорить я.

Он, кажется, что-то понял, разглядев меня получше.

– Моченый... – с досадой проговорил он. – Как ты здесь оказался?

– Я... я не знаю.

– Ты должен был идти по желтой линии. – Он кивком показал на пол, где действительно тянулись разноцветные линии-дорожки. – Твое место на форуме.

Я только пожал плечами.

– Ладно, пошли.

Он ухватил меня за рукав и вытащил из «инкубатора». Как раз по коридору двое «узников» вели такого же доходя-

гу, как я – истощенного, растерянного, на подгибающихся ногах.

– И этого забирайте, – сказал мужчина, толкнув меня к процессии.

Меня хотели поддержать, но я пошел сам. Сознание прояснилось, и в нем уже нашлось место для изумления. Скорее даже для возмущения. Где я? Куда меня ведут? Что у них за манеры? И где эта сволочь Щербатин, долбаный придумщик, мать его так...

Мы шли сначала по низкому сумрачному коридору из листового железа, потом по другому коридору – круглому и гофрированному, как шланг пылесоса. Поводыри вяло переговаривались, я ничего не понимал. Я только разобрал, что их чертовски интересуют какие-то уцимы и они раздумывают вслух, где бы их побольше взять.

– Все, пришли, – объявили нам наконец.

Это был громадный зал неправильной округлой формы, чуть ли не стадион. Насколько я понял, тот самый форум. Повсюду – длинные ряды скамеек, от которых рябило в глазах. На скамейках – доходяги в новеньких серых робах и белых носках. Их тут были, наверно, тысячи.

– Садись и жди, – приказал мне один из провожатых, после чего оба ушли обратно.

Я пристроился на одну из скамеек с краю. Было довольно тихо, что необычно для больших помещений, полных людей. Доходяги сидели в основном поодиночке и не разгова-

ривали. Они очень напоминали мне персонажей какой-нибудь кинохроники о неурожае в Северной Африке. Жалкие, подавленные, изможденные, безучастные ко всему вокруг. Я, видимо, был такой же.

В зале было полно входов, и то и дело через них кого-нибудь вводили и усаживали на скамейки. Наконец один из новичков присел рядом со мной. Я равнодушно глянул на него и отвел глаза. И вдруг едва не подскочил.

– Щербатин! – выдавил я.

На него было страшно смотреть. Словно здорового, сытого, полнокровного человека взяли да засушили между страниц книги. Щеки висели мешками, уголки губ безвольно опустились. И лысина походила уже не на подлокотник кожаного дивана, а просто на лысину.

– Какой кошмар, – покачал я головой.

– Спасибо, – еле слышно ответил Щербатин. – Ты тоже классно выглядишь.

– Куда ты меня притащил, сволочь? – начал заводиться я. – Что с нами тут делают?!

– Бе-еня... – с досадой протянул Щербатин. – Мы же договаривались. Все с нуля. Новая жизнь на новом месте. Ничего, я не обидчивый. Дождусь-таки, когда ты скажешь мне спасибо и в ножки упадешь.

– В ножки?! – еще больше разозлился я. – Ты рехнулся с перепою, да? Куда нас занесло, отвечай!

– Бенья, мы в самом сердце цивилизации. Настоящей ци-

визации. Это – Столица Мира. Здесь все устроено для счастья.

Я не нашелся даже что ответить на такую чушь. Я просто подавился своими эмоциями.

– Белые носки, Бенья! – со значением проговорил Щербатин. – Тебе каждый день будут выдавать белые носки. Ты представляешь, как круто переменялась твоя жизнь? Тебе не придется больше отстирывать свои чертовы дырявые носки.

– Какие еще носки? – выдавил я.

– Хватит злопыхать, Бенья. Ты только представь, как это было омерзительно – ты возился в грязной воде, соскребая грязь со своих драных тряпок. Потом ты шел на кухню, звенел липкими тарелками, варил какую-нибудь дешевую тухлятину, чтоб запихать ее в себя. Ты же человек, Бенья. Ты поэт – гордое существо.

– Что ты несешь?

– Тихо, тихо, не кипятись. Сейчас тебе все расскажут.

– Чего мне расскажут?! – звенящим голосом проговорил я. – Что ты мне тут устроил?

Я вскочил и, кажется, начал орать:

– Что ты мне мозги забиваешь?! Какие еще носки? Давай, показывай, как отсюда выйти, мне на работу надо. Шуточки, да? Сволочь! Сволочь!!!

Тут непонятно откуда выскочили трое молодцев в зеленых робах. Двое швырнули меня обратно на скамейку, третий побрызгал в лицо чем-то теплым и кислым. У меня тут

же все обмякло, отнялось, не осталось сил даже закрыть рот.

Зеленые ушли. Они, кажется, не имели ничего против меня, они просто остудили мою истерику. Судя по их сноровке, я был тут не единственным нервным, работы для них хватало.

– Тихо, Беня, – ворковал Щербатин. – У нас с тобой все очень хорошо, все налаживается, ты и сам сейчас поймешь. Тебе все расскажут...

По залу прошло некое шевеление, доходяги поворачивали головы и вытягивали шеи, некоторые пересаживались. Я наконец увидел, что на возвышении неподалеку от нас стоит, подняв руку, женщина с пышными серебряными волосами. Она была, пожалуй, довольно яркой внешности, но мне не понравилась. У нее было лицо акулы.

– Добро пожаловать, будущие граждане Цивилизации! – произнесла женщина с отработанным радушием. – Вы стеклись сюда из разных уголков мира, чтобы начать жить хорошо, жить правильно, жить для себя и Цивилизации. И вот вы с нами!

Серые роботы в зале замерли. Тысячи глаз неотрывно смотрели на женщину-акулу.

– Щербатин, – тихо прошептал я. – На каком языке тут все говорят? Я никак не определю.

– На языке Цивилизации, естественно, – ответил Щербатин. – Его знает каждый разумный человек. И ты тоже. Просто не было случая попользоваться...

– А на нем можно писать стихи?

– Тихо...

– Есть три обстоятельства, с которыми я рада вас поздравить, – продолжала женщина. – Во-первых, теперь вы обеспечены пищей и одеждой на всю жизнь...

Серые роботы после этих слов возбужденно загудели, задвигались.

– Во-вторых, вы совершенно свободны, вас никто не посмеет ни к чему принуждать. И, в-третьих, ваша жизнь, благополучие и счастье – только в ваших руках.

Вы пока не граждане Цивилизации, вам еще предстоит усердием и верностью доказать, что вы достойны ими стать. Каждый ваш шаг, каждое усилие, направленное на благо Цивилизации, будут оценены определенным количеством уцим. При накоплении нужной суммы уцим возрастет ваш холо – ваш статус как членов Цивилизации. Сейчас у вас нулевое холо, и у вас почти ничего нет. Но уже первое холо даст вам право на выбор одежды. Второе холо позволит выбирать вкус пищи и пользоваться услугами развлекательных центров. Третье – и вы получите излишки, которыми распорядитесь по своему усмотрению. И так далее, ваши возможности неограниченны.

– Щербатин, что за дикое сборище? – слабо проговорил я. – Здесь есть хоть один нормальный человек?

– Тихо ты! – цыкнул мой приятель. – Все нормальные. Кроме тебя...

– Сейчас вы находитесь на пересыльной станции, где про-
будете еще четверо суток и восстановитесь после обезво-
живания. Рекомендую не тратить это время понапрасну, а
выбирать подходящий вид деятельности для себя. Нулевой
холо дает возможность работать во внешних мирах, на от-
даленных станциях и колониях, выполняя наиболее трудо-
емкие задания, не требующие специальных навыков. Этот
этап длится, как правило, шесть-восемь периодов. Вы може-
те ознакомиться с таблицами соответствия и вычислить, что
это означает по вашему летоисчислению...

– Четыре с половиной года и больше, – шепнул Щербатин. – Я уже вычислил. Кошмар...

– ...Собрав нужное количество уцим и заслужив первое
холо, вы получите право переселиться ближе к центру Циви-
лизации и сменить вид деятельности на менее трудоемкий.
Но помните, вы должны стараться и прикладывать все уси-
лия, чтобы стать полноправными гражданами. Цивилизация
нуждается в усердных, трудолюбивых, дисциплинированных
и уравновешенных людях...

– Ну, ты понял? – сказал вдруг Щербатин, толкнув меня
в бок. – Все очень просто. Мы на общих условиях ишачим
четыре года на рудниках и получаем что-то вроде вида на
жительство. А дальше уже карабкаемся, кто как может.

Я посмотрел на него, кажется, с испугом.

– Каких еще рудниках?

– Ну, это я для примера. Может, и не рудники...

– Какие еще рудники?

– Тебя что, заклонило?

– Какие к черту рудники?! – успокаивающие брызги, похоже, переставали действовать. Я снова заводился.

– Ну тебя к лешему, – разозлился Щербатин. – Псих.

– ...Правила поведения в зоне отдыха запрещают вам покидать ее территорию и проникать в женскую половину, – слышался голос докладчицы. – Вы сможете не только отдохнуть, но и увидеть прямые трансляции из красивейших мест...

– Все! – Я встал. – Выводи меня отсюда, Щербатин. Не могу больше слушать этот бред.

– Ага, писать бред ты можешь, а слушать...

– Хватит! Сам затащил меня на этот съезд сумасшедших, сам и вытаскивай. Показывай, где здесь выход.

– Выход куда? – Щербатин изобразил наивную улыбку.

– Просто выход. Мне пора домой. Хватит.

– Домой... – Он вздохнул. Развел руками. – Беня, а до дома сотни световых лет. Куда ж ты пойдешь?

– Каких еще световых лет? Что ты городишь?

– Да-да. А кроме того, там прошло уже лет восемьдесят, пока нас сюда везли. И это без учета всяких там эффектов-парадоксов.

– Лет восемьдесят... – У меня вырвался нервический смешок. – А я где был?

– Ты был в состоянии полного обезвоживания.

– Какого еще обезвоживания? Зачем?

– Для компактности. В обезвоженном состоянии человеческое тело можно упаковать в коробку из-под торта. Транспорт – он не резиновый, а желающих много.

Я сел. Вернее, просто ноги подкосились. Я вдруг вспомнил комнату с маленькими головастыми существами. Выходит, это засушенные люди?

– Щербатин, хватит меня доводить. И так уже...

– Нет, это тебе хватит! – неожиданно разозлился Щербатин. – Кто мне обещал не ныть? Кто говорил, что не передумает? Про дом забудь, мы в другой галактике.

– О-ох... – Я схватился за голову.

– Теперь можно пройти в зону отдыха... – услышал я голос женщины-докладчицы, и доходяги вокруг нас очень резко повскакивали и побежали к дверям. – Не сворачивайте с желтой линии.

– Пошли, – энергично подогнал меня Щербатин.

Нас уже несла толпа. Вокруг словно бушевало море – серое, безликое, голодное. «Нулевое холо». Я – человек-нуль. Вокруг – тысячи таких же нулей. И все вместе мы – один большой шумный нуль.

– Куда все рвутся, Щербатин? – подал голос я. – Начинается раздача завтрака?

– Начинается раздача рабочих мест. – Щербатин, кажется, был зол на меня. – И все это знают, уже выяснили. Все, кроме тебя, – почему? Неужели ты такой валенок?

– Да, я такой.

– Соболезную. Тогда можешь не торопиться и вообще не вставать в очередь. Достанется отбивать шлак в подземных печах или выгребать какую-нибудь химическую дрянь. Получишь свое первое холо – зато угробишь здоровье. Мозги-то ты давно уже угробил...

* * *

Зона отдыха представляла собой очень обширное пространство, огороженное забором метров в шесть высотой. Внутри – деревья, скамеечки, травка. Кое-где в траве белели использованные одноразовые носки.

Никто, однако, не разглядывал травку, все рвались к маленьким окошечкам в стенах. Царил полный кавардак, многие пробивали путь к окошечкам локтями и кулаками. Впрочем, через какое-то время из толпы начали вырастать хвосты очередей, однако у стены все еще бился серый человеческий прибор.

– Ну, вот... – пробормотал Щербатин. – Теперь стоим.

Перед нами колыхалось еще человек двести пятьдесят, а то и больше. И я бы не сказал, что очередь двигалась очень энергично. Мы несколько минут простояли, и я лишь переступил с ноги на ногу. Я чувствовал, что и Щербатин начал нервничать.

– Утешает одно – мы не последние, – с оптимизмом сказал

он.

В самом деле, за нами уже выстроился длинный хвост, и он то и дело прирастал. Тут вдруг на стенах зажглось несколько больших экранов, и нам начали показывать обещанные «прямые трансляции».

Изображение было слишком бледным и нечетким. Мне удавалось разглядеть то какие-то дома-башни, то морские волны, на которых катались изогнутые лодочки, то дороги, по которым мчались машины. Никакая это была, конечно, не трансляция. Больше всего походило на плохонький рекламный ролик для туристов.

– Щербатин, – тихо позвал я. – Погляди: вон к тому окошечку всего несколько человек.

– Я знаю, – кивнул он. – Это вербовочный пункт военного ведомства. Некоторые соглашаются – там можно заработать третье холо всего за четыре-пять периодов.

И, заметив мой вопросительный взгляд, он потряс головой.

– Нет, Бенья, нам туда не надо. Там война.

– А куда нам надо, Щербатин?

– Посмотрим, что предложат. Подожди-ка...

Он отошел и поймал какого-то доходягу, который с очень довольным видом выбирался из толпы. Похоже, ему в числе первых удалось пробиться к заветному окошечку.

Они несколько минут разговаривали, я не расслышал ни слова. Наконец Щербатин вернулся.

– Ничего особенного, конечно... – Он развел руками. – Экваториальные плантации, прокладка дорог, шахты, уборка отходов. И все у черта на куличках. Ладно, подберем что-нибудь по вкусу. Главное, чтоб не надолго там задержаться.

– А дальше? – безучастно спросил я.

– А дальше – первое холо.

– И что?

– Ты так ничего и не понял? Первое холо – это все равно что московская прописка для жителя какой-нибудь Нижней Усрани. Цивилизация! Гарантированный жизненный уровень. Любая работа, любые развлечения. Общество!

– А я смогу работать поэтом?

– Вот же кретин... – с досадой вздохнул Щербатин. – Сможешь, успокойся.

Я посмотрел на небо. Оно было белым, чуть желтоватым. Ни облаков, ни солнца. Очередь не двигалась. Щербатин сначала стоял спокойно, потом начал притоптывать, потом – вертеться, глядя по сторонам. Наконец он сказал:

– Постой, я погляжу, чего тут еще есть.

Я бы и сам с удовольствием погулял, посмотрел, что где есть. Но он первым догадался – что ж поделаешь?

– Да, вот еще! – вспомнил Щербатин перед уходом. – Если кто спросит, откуда ты, – не вздумай заводить насчет Земли, Луны, Солнечной системы... Никому тут это не интересно. Говори: нижний сектор, восьмое удаление. А лучше вообще молчи.

Откуда он все знает? Вроде сидел рядышком, ни с кем не разговаривал – а все знает. А я – нет. Всегда у меня так.

Жутко хотелось сунуть руки в карманы, но на робе не было карманов. Насколько я понял, мне – человеку-нулю – не полагалось иметь ничего такого, что можно положить в карман. А значит, и карманы иметь незачем.

За то время, пока мой приятель где-то гулял, мне удалось приблизиться к окошечку шага на три. Да и то я не уверен, что людей передо мной стало меньше. Скорее всего просто очередь чуть деформировалась.

Мне это все, конечно, надоело. Терпеть не могу очереди, да и кто их любит? К тому же я все еще скверно себя чувствовал после холодной ванны. Так и тянуло сесть на травку, закрыв глаза. Но никто не садился, и приходилось кое-как держаться на ногах.

«А может, ну их к черту? – подумал я. – Уйти из этой сволочной очереди, полежать где-нибудь, отдохнуть. А потом прийти, когда народ рассосется. Что достанется – то и достанется».

Я не успел додумать эту мысль до конца, потому что наконец вернулся Щербатин. Он шел не торопясь, вразвалочку, с очень довольной физиономией.

– Что бы ты без меня делал, Бенья? – снисходительно проронил он. – Ну все, хватит тут топтаться. Идем обедать. Я уже все устроил.

– Что ты устроил, Щербатин? – спросил я, вышагивая

вслед за ним вдоль забора.

– Пищевые разработки. Три дня пути. Меньше года по-нашему до первого холо. Правда, отправляемся уже завтра.

– А восстанавливаться?

– А в дороге восстановишься. Какая разница, где пузо чесать – здесь или в трюме? – Он вдруг остановился и ткнул меня пальцем в грудь. – Я вытащу тебя из этой чертовой робы не за четыре и даже не за два года, а меньше чем за год! Осознаешь?

– А что это за пищевые рудники?

– Да не рудники, а разработки. Не знаю еще. Но, думаю, лучше, чем несколько лет вручную чистить дно каналов или дышать песком на камнедробилке. Может быть, ты считаешь иначе?

– Я – как ты...

Через крошечное окошко в стене нам выдали картонные тарелки и дощечки-ложки. На тарелке покоилась влажная темно-зеленая масса, похожая на перетертую траву. Она и на вкус оказалась, как трава.

– Не отравимся этим комбикормом? – с опаской спросил я, робко пробуя кушанье на язычок.

– Посмотрим, – философски заметил Щербатин.

Комбикорм оказался очень питательным, кроме того, после него не хотелось пить.

– Сбалансированный корм для трудолюбивых двуногих, – сообщил мой приятель, поглаживая живот. – Здесь, кстати,

можно есть сколько хочешь. Им не жалко. Проголодаешься – сразу иди сюда и проси добавки.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Что?

– Да все. Ты все тут знаешь. Не первый раз, что ли?

– Ничего я особенного не знаю. Просто не сижу на месте с унылой рожей, как ты.

– Нет, постой. Как ты смог устроить нам пищевые рудники? По благу?

– Просто умение контактировать с людьми. Профессиональное качество. Был бы у меня блат – остались бы здесь. Вон, видишь? – Он кивнул в сторону мужика в зеленой робе, который бродил по траве и подбирал в бумажный мешок брошенные картонные тарелки и белые носки. – Очень милое занятие, все равно что садовник.

– Нет, Щербатин, ты меня не путай. Отвечай: откуда ты все знаешь? Ты ведь не наугад тогда номер набрал, знал же, куда позвонить, чтобы нас вывезли сюда?

– А-а, вот ты о чем... Ну да. Была кое-какая информация. А что?

– А ничего. Ты вообще кто? Международный адвокат? Или межпланетный адвокат?

– Что ты несешь?

– То и несу. Просто спрашиваю. Что ты там говорил про какие-то галактики, планеты?

– Да, мы в другой галактике. Ты еще не убедился?

– Ага, стало быть, между нашей Землей и этой галактикой ходят регулярные рейсы.

– Нет, не регулярные. Но добраться можно. И нам повезло. К чему ты клонишь?

– Щербатин... – Я потряс головой. – У нас там дома академики все лысины себе прочесали – есть ли хоть где-нибудь братья по разуму. А оказывается, до них чуть ли не на попутке добраться можно.

– Ну, примерно так. И что?

– Почему они с нами не вступают в отношения? Почему не прилетят, не помогут чем-нибудь?..

– А на кой ляд мы им сдались?

– Ну, как... – растерялся я.

– Да, как? Вот скажи мне, Беня, ты был когда-нибудь в Бобруйске?

– Нет.

– А почему?

– А что мне там делать?

– Ну вот! Ты сам и ответил на свой вопрос. У тебя же не возникало желания приехать в Бобруйск, помочь им там чем-нибудь, а?

– Ну, то Бобруйск, а то другая галактика.

– И что? Люди-то везде одинаковые. И обитаемых миров – тысячи. Наш, кстати, не лучший.

– Неужели им неинтересно, как там у нас?

– Тебя снова спросить про Бобруйск?

– Деловой ты, Щербатин, просто сил нет, – процедил я. – Все-то у тебя просто и понятно.

– Ага. А разве плохо? Жизнь – она и так непростое дело. Так зачем ее усложнять?

* * *

После четвертой кормежки, когда на перетертую траву без тошноты я смотреть не мог, Щербатин привел меня к выходу из зоны отдыха. Здесь уже бродили туда-сюда человек сто пятьдесят доходяг, согласившихся работать на пищевых разработках. Все настороженно поглядывали друг на друга и не разговаривали. Готов биться об заклад, каждый думал: «А не оказался ли я в дураках, согласившись на эту подозрительную работу? А нет ли тут подвоха?»

Только мы с Щербатиным были, можно сказать, безмятежны. Я успел смириться, а Щербатин – он вообще смотрел на жизнь оптимистически.

Человек в зеленой робе вывел всех нас за пределы станции. Я не больше минуты созерцал пейзаж планеты. Я увидел только, как рыжая пыль клубится по безжизненным камням. На пустой каменистой площадке нас ждал огромный обшарпанный звездолет – угловатый, тяжеловесный, на изогнутых утиных лапах. И тоже рыжий – видимо, от ржавчины. Он был горячим – жар чувствовался за несколько метров.

– Заходим! Заходим спокойно! – командовал кто-то в зе-

ленной робе. – Не толпиться. Места хватит.

Я последний раз взглянул на пересыльную станцию. Она смотрелась, как скопище старых сараев посреди пустыни.

Я-то, наивный, считал, что звездолет – это цветные лампы, мягкая обивка и улыбчивый экипаж в серебристой униформе. А нас сунули в омерзительный темный трюм с железными стенами. Совершенно голый, только кучи тряпок по углам да пятна разбросанных повсюду одноразовых носков.

Когда начался взлет и судно заложило хороший вираж, мы все покатались по полу, как горох. Хуже всего, что ничего не было видно. Просто темная железная коробочка, которая тряслась и грохотала. Потом, правда, под потолком разгорелись крошечные желтые светильники.

– Людишки... – с жалостью проговорил Щербатин.

В слабом свете я оглядел трюм. Звездолет шел ровно, и никто уже не катался от стены к стене. Люди расположились на полу тут и там, их скорченные тела напоминали жалкие темные кучки. Только испуганные глаза поблескивали из мрака. За железными стенами грозно урчали двигатели.

– Щербатин, где здесь туалет? – спросил я.

– Не знаю... Наверно, где понравится, там и туалет. Погляди, вон какие-то баки у той стены...

Позже самые активные пассажиры выяснили, что действительно баки можно использовать как отхожие места. А также нашли заслонку в стене, по которой нужно стучать, когда

проголодаешься. Комбикорм на картонных тарелках здесь ничуть не отличался от того, что давали на станции.

Я основную часть полета провалялся на тряпках – это были грязные обрывки одежды. Щербатин же с его деятельной натурой усидеть на одном месте просто не мог. Он, кажется, успел познакомиться со всеми. Его голос слышался то слева, то справа. Я только успевал удивляться: о чем он с ними болтает?

– Сочинил что-нибудь? – спросил он как-то раз, укладываясь рядом на ночлег.

– Ты о чем?

– Бенья, ты же поэт! Столько событий, столько эмоций... А ты с недовольной рожей, как всегда.

– Сочинил... Попытался.

– А ну...

– Думаю, не стоит.

На исходе третьих суток в трюме скопилась духота и специфическая человеческая вонь. Звездолет, видимо, уже кружил по орбите, когда в наш трюм заглянул кто-то из экипажа. Я его не разглядел, он стоял против света. Он сказал, что нужны восемь человек – подняться в верхние отсеки и что-то там передвинуть, подготовить к разгрузке.

Я надеялся отлежаться, но Щербатин чуть ли не за шиворот потащил меня к трапу, опережая многочисленных добровольцев.

– Ты что! – шипел он. – Такой шанс...

Суть этого шанса я понял, когда таскал вместе с остальными тяжеленные тюки из плотной синтетической материи. Мы носили их из полукруглого отсека с серебристой отделкой и складывали в коридоре возле люка. Щербатин же времени не терял. Он и здесь продолжал заводить знакомства – теперь уже с экипажем. Через некоторое время он вообще перестал работать и занимался только болтовней. И, что самое странное, ему это удавалось.

Честно говоря, было приятно посмотреть на румяных полнокровных звездолетчиков после той безликой серой массы, в которой мы вращались последние дни. В верхних отсеках я не увидел ни одной серой робы, не считая наших. Люди здесь были как-то веселее, смелее, энергичней. Ну и одеты, конечно, посолидней.

– У всех пилотов шестое холо, – объяснил мне позже Щербатин. – Они уважаемые и состоятельные люди. У техников – пятое, но и это очень прилично. Потому и щеки у них круглые да розовые. И у нас такие отрастут. Так и быть, сделаю из тебя человека.

«Хорошо бы», – мысленно вздохнул я. В этот момент я впервые увидел, что существует какой-то исход из безликой человеческой массы.

– За работу – всем по одной пятой уцим! – объявил нам высокий полноватый техник, когда тюки были переложены, куда требовалось. – Возвращайтесь – идите по желтой линии, ни в коем случае не сворачивайте.

Мы уже сгрудились у выхода, когда корабль встряхнуло так, что некоторые попадали.

– Посадка. – Техник встал и развел руками. – Входим в атмосферу. Побудьте здесь, а то ноги попереломаете на трапе.

Нас оставили в том же отсеке, откуда мы носили груз. Здесь были иллюминаторы, правда закрытые заслонками снаружи. Но все равно в светлом помещении сиделось куда приятнее, чем в затхлом трюме.

– Вот и первая пятерка у мальчишки в кошельке, – умиротворенно продекламировал Щербатин, облачиваясь о стену. – Жаль, нечем отметить.

– Где она, эта пятерка? – я продемонстрировал пустые ладони.

– Она будет занесена на твой счет. Здесь не обманывают.

– Как бы электронные деньги?

– Не совсем, – покачал головой Щербатин. – Электронные деньги – они всегда есть, даже если пусто в кармане. А учим – фактически есть, а тратить не можешь. Деньги, которых нет, даже если они есть. Мечтал небось в детстве о коммунизме, когда деньги отменяют?

– А как же! Даже спрашивал у родителей, скоро ли.

– Считай, что дождался. Здесь денег нет.

– А у меня их и дома не было...

Корабль затрясло, заколотило, так что даже застонали его стальные внутренности. Мы все пришли в некоторое замешательство, ни у кого, естественно, не было опыта космиче-

ских путешествий, взлетов и посадок.

Потом что-то лязгнуло, и неожиданно открылись внешние створки иллюминаторов. Мы тут же прильнули к ним.

– Арктика, – тихо проговорил Щербатин.

Мы опускались на бескрайнюю снежную равнину, на которой даже взгляду не за что зацепиться. Трудно было понять, высоко мы или уже над самой поверхностью.

Потом я разглядел на девственном снегу нечто вроде кучки сора. Эта кучка приближалась, росла, превращаясь в умопомрачительное скопление ангаров, вышек, трапов и переходов. Уже можно было разглядеть ползающие между ними точки – видимо, машины.

– Я только одного не пойму, – сказал я. – Мы же прибыли на какие-то пищевые прииски. И где же еда?

Щербатин ответил не сразу, а лишь после того, как корабль еще опустился и стало возможным разглядеть людей-муравьев.

– Вон еда, – тихо сказал он. – Вон там, видишь?

Я прижался к стеклу, скосив глаза так, что впору было их вывихнуть. И действительно увидел: к снежному поселению приближалась необычная процессия. Несколько машин тянули на тросах гигантскую черную тушу. Мне подумалось было, что это кит, но даже киты не имеют таких устрашающих размеров.

Наш корабль сменил направление, и процессия вышла из поля видимости.

– Ну, вот... – вздохнул Щербатин, отодвигаясь от иллюминатора. – Похоже, кто-то сегодня хорошо заработал. Нам это только предстоит.

– Мы тоже будем ловить таких монстров?

– Эти монстры – гигантские ледяные черви. Чтобы их ловить, нужно многое уметь. Мы с нашим нулевым холо, Беня, до этого просто не доросли.

– Ты, как всегда, все знаешь.

– А ты, как всегда, ушами хлопаешь.

Корабль опустился, и все вокруг заволокло огромное облако пара – двигатели испаряли снег и лед. В наш отсек заглянул кто-то из экипажа.

– Быстро вниз по желтой линии! На разгрузку мало времени.

Мы вскочили и помчались по трапу, возвращаясь в трюм. Там уже раскрылись створки, и снаружи проник холод и влага.

– Выходим, выходим, не задерживаемся! – командовал кто-то из тумана. – Выходим из корабля и бегом получать теплую одежду.

На улице ноги тут же стали разъезжаться – лед был покрыт слоем воды, образовавшейся от жара корабля. Повсюду клубился пар, мы наталкивались друг на друга, многие падали. Почти сразу почувствовался мороз, который схватил нас за щеки, за уши, за пальцы.

– Быстро, быстро! Не толкаться!

Наконец в тумане прорисовалось темное пятно какого-то ангара, в который поспешно заскакивали вновь прибывшие. Мы надеялись, что там тепло, но ошиблись. Ангар был столь же холодным, как вся эта ледяная пустыня. У стены раздавали одежду – такие же серые робы и штаны, только утепленные ватой. И еще шапчонки с откидными ушами. И белые бумажные носки – каждому по целой стопке.

– Бери все на вырост, – на ходу посоветовал Щербатин. – Мы еще не восстановились, очень скоро мы прибавим в весе.

– Кто оделся, по желтой линии через переход в жилой сектор! – последовала следующая команда.

Одежда была холодная, пропитанная морозом. Мы поспешно натягивали штаны и робы, завязывали тесемки, тряслись от холода и приплясывали на месте. Немного обнадежили слова «жилой сектор», от которых повеяло чем-то теплым, уютным, приспособленным для отдыха после перелета.

Далее нас ждал узкий коридор с железными стенами, сплошь в дырах и трещинах, через которые пробивался режущий снежный свет снаружи.

– Теперь понятно, почему здесь так быстро дослуживаются до первого холода, – стуча зубами, проговорил Щербатин.

– И почему?

– Северный коэффициент. Беня, ты склонен к простуде и насморку?

– Бывает.

– Тогда крепись.

Неожиданно желтая линия вывела нас в большой и светлый цех, где в нос сразу ударил неприятный запах, свойственный мясным магазинам. Это был, судя по всему, разделочный цех. Мы вблизи увидели гигантского ледяного червя – он черной бесформенной грудой неподвижно лежал на заледенелом полу. Вокруг суегилось не меньше двух сотен рабочих, которые большими изогнутыми ножами отделяли от туши куски и раскладывали их по железным бакам. Меня особенно поразило, с каким усердием четверо орудуют ломом, выковыривая большой матовый глаз червя.

Здесь было грязно. Все – и стены, и столы, и дорожку под нами – покрывал скользкий жирный налет. Рабочие тоже выглядели грязными, какими-то даже замызганными. Из-под червя вытекали темные ручейки очень неприятного вида.

– Щербатин, мне не хочется на такую работу, – предупредил я.

– Да ну! Хорошо, попробуй отыскать для себя должность поэта. Может, тут есть штатная единица?

– Щербатин!

– Успокойся, Беня, подберем тебе что-нибудь чистенькое.

По его физиономии можно было догадаться, что он-то давно уже все узнал и все решил. Вскоре впереди заорали новые командиры и всех новобранцев развели по жилым помещениям. Это были самые натуральные казармы – с двухэтажными кроватями, но без тумбочек. По правде, нам пока

в тумбочки и класть было нечего. Кроме белых носков.

Мы выстроились в проходе между кроватями. Некто в черной куртке до колен некоторое время ходил перед нами с планшеткой в руке и что-то там помечал.

– Распределяемся, – объявил он наконец. – Все, кто встает на разделку и сортировку, – направо и по желтой линии получать социальные номера. Восстановление техники – пять человек, отойдите в сторонку и побудьте пока здесь. Санитарная группа, уборщики – то же самое. Промысловики – налево по желтой линии, на инструктаж...

– Это мы, – с воодушевлением сообщил Щербатин и потащил меня за собой.

Мы очутились в голой квадратной комнате, где вдоль стен стояли низкие скамьи. На них уже сидели другие новобранцы, инструктаж шел полным ходом. На наш приход не обратили ровно никакого внимания.

Обучение вел малорослый человек с азиатским лицом и очень беспокойными движениями. Мне он сразу показался законченным неврастеником. Он был одет в очень старую робу, из многочисленных дырок которой торчала грязная вата. По всему видно, он находился здесь давно.

– ...Планета покрыта толстым ледяным панцирем. Он изрыт ходами и пещерами. Жизненный цикл ледяных червей состоит из чередования двух фаз. В первой червь спускается к основной поверхности и наполняет желудок пищей – растениями, которые произрастают подо льдом. Затем он выхо-

дит наверх, где больше кислорода, и здесь происходит переваривание пищи...

У инструктора был усталый, монотонный голос, слушать его было тяжеловато, но я старался не пропускать ни слова. Чтобы не давать Щербатину повода сказать, что я опять прохлопал ушами.

– Промысловые машины – тоннельные ледоходы – садятся на тело червя, когда он снова уходит под лед. В это время пища в его желудке превращается в однородную пульпу, которая больше всего подходит для переработки. Цивилизации жизненно необходимо сырье для производства пищи, и наша работа – добывать его. Это трудная и порой опасная профессия, но она нужна Цивилизации, и она достойно вознаграждается...

– Это самая дорогая работа здесь, – шепнул мне Щербатин. – Кроме, конечно, ловли червей. Я же говорил, что быстро сделаю из тебя человека.

– Спасибо, конечно, но... Посмотрим.

– Чего посмотрим? Глядишь, через пару месяцев сам так же салаг наставлять будешь. Разве плохо?

– Два экипажа уходят уже завтра, – говорил инструктор. – Это «Кормилец» и «Добыватель уцим». Остальные ждут восстановления машин и сигналов ледовой разведки. Завтра промысловики Щерба, Беня, а также...

У меня в глазах потемнело.

– Щербатин, – зловеще прошептал я, – откуда, интересно,

они знают, что я – Беня?

– Я тебя зарегистрировал как Беню.

– Я не Беня, я Борис Емельянов.

– Это слишком длинно. Длинных имен не любят, из всех списков будешь выпадать. Я, как видишь, свою фамилию тоже не пожалел. Все, тихо!

– ...По желтой линии до четвертой отметки и представиться капитану экипажа. Сегодня все отдыхают, – закончил инструктор.

Через несколько минут мы с Щербатиным уже выбрали себе кровать. Долго не искали – все равно на одну ночь. Я, по молчаливому соглашению, залез наверх – мне достаточно было видеть провисший потолок в потеках ржавчины, остальное не интересовало.

– Знаешь, почему ты хреновый поэт, Беня? – донесся снизу голос Щербатина. – Потому что ты не интересуешься людьми. Ты интересуешься только собой. Погляди вокруг: сколько судеб, сколько характеров. Поговори, познакомься, наберись опыта.

– Не вижу никаких судеб, – отозвался я. – Вижу только серую массу, которая дрожит от предвкушения веселой жизни.

– Это не масса, это люди! – рявкнул вдруг Щербатин с неожиданной злостью. – Такие же люди, как ты, ничуть не хуже. Может, даже лучше.

– Это нулевое холо, Щербатин. Большое скопление нулей, равное в сумме... сам можешь подсчитать. И вообще, кто бы

меня учил! Бандит-международник, ценитель индивидуальностей...

– Зато ты у нас непризнанный гений. Ладно уж, лежи, наслаждайся своими печальями. Я пойду прогуляюсь. Не забудь носки сменить, божество ты наше недоделанное.

Щербатин ушел, и через некоторое время мне стало скучно. Я понаблюдал за казармой, где трудовой люд менял носки, приспособливал поудобнее новую одежду, устраивал постели, таскал откуда-то картонные тарелки и мало-помалу знакомился. Через кровать от меня возился с завязками некий субъект совершенно неопределенного возраста. Маленький, сторбленный, суетливый, он походил на забитого китайца-крестьянина, какими их показывают в старых фильмах.

– Привет! – позвал я. – Как зовут-то?

Он рывком поднял голову, блеснули глаза-бусинки.

– Шак, – ответил он высоким сипловатым голосом. – Я – Бедный Шак.

– Издалека?

Он задумался, закатил глаза, шевеля при этом тонкими серыми губами.

– Третье удаление, – родил он наконец. – Не очень далеко.

– Ясно... – Я тоже захотел назваться, но забыл, из какого мы со Щербатиным удаления и сектора. Надо будет записать на ладошке. – Чем решил тут заниматься, Шак?

– Я буду искать червя. – Он закатил глаза и изобразил на

лице смесь восторга, испуга, гордости, озабоченности и еще бог знает чего. – Я буду ходить на холод, далеко-далеко, слушать лед, нюхать воздух в норах. Ледовая разведка! – Шак поднял палец.

– А потом, когда получишь холо?

– Стану начальником, – он расплылся в улыбке, глаза-бусинки превратились в щелки. – Я никогда не был начальником. Никто не хотел, чтобы я стал начальником. Но теперь я сам решаю, кем мне быть.

«Удачи тебе, Бедный Шак», – со вздохом подумал я и уже хотел отстать от него, но тут мне стало интересно, кем он был прежде.

– Шак, а чем ты занимался до этого?

– Я гунявил зибобы, – с достоинством ответил он.

– Что-что ты гунявил? – Похоже, я попал в ту область языка Цивилизации, которая была мне вовсе незнакома.

– Зибобы, – с простодушной улыбкой ответил Шак. – Выбучивал на блочки и тут же гунявил зибобы. Но они были слишком шулкие, и у меня постоянно пробоячивало на ксын. А роболакер не разрешает, если очень часто получается ксын, от этого жлофа гнется. Мне пришлось уйти оттуда.

– Сочувствую, – пробормотал я.

«Вот тебе и судьбы, Щербатин, – подумалось мне. – Вот тебе и характеры».

Я тут же попробовал написать поэтическое произведение. Печальный рассказ Шака настраивал на эпический лад.

*Гунявил зибобы несчастный старик,
Но злой роболакер ударился в крик:
Выбучивать блоцки ты больше не смей!
Ведь ксын пробоячило жлофой твоей.
И сел тот старик на летучий корабль...*

Тут меня заклинило, поскольку никак не вспоминалась точная рифма на «корабль». Когда-то я нашел ее и даже записал, однако теперь все выветрилось.

Тогда я придумал другой вариант: «И сел тот старик на большой звездолет, чтоб слушать и нюхать загадочный лед». Но это получался уже полный бред, и мучиться над ним я быстро расхотел.

* * *

Нашего капитана звали Дядюшка Лу, он был старенький, толстенький и лысый. Его голова более всего напоминала сплюснутую морщинистую тыкву. Эта тыква то и дело хитро нам улыбалась.

Дядюшка Лу был одет в жуткую рванину, через дырки беззащитно светилась дряблая кожа его живота. На нем был свитер и широкие штаны, подвязанные снизу тесемочками – очевидно, чтоб не обтрепывались края.

– ...А условия у нас такие, – говорил он. – Хорошие у нас

условия. День пребывания – три уцим. Промысловый день – десять уцим. Если ничего не делать, за шесть периодов можно получить первое холо. Если на промысел ходить – вдвое быстрее. А если еще и пульпу привозить, то два периода – и можно отсюда улетать. Потому что, когда с полными баками возвращаемся, на каждого по двести уцим.

Дядюшка Лу ласково улыбнулся и развел руками: мол, сами судите, ребятки, двести уцим – это о-го-го, это вам не просто так.

– Машина наша еще хорошая, работать можно, – продолжал он, – ребятки – тоже хорошие, познакомьтесь сейчас. А вот одежонка у вас, мальчишечки, плоховата. Маловато у вас ее. Я так вам скажу – будет свободное времечко – походите по ангарам, пособирайте в углах тряпочки. Там завяжешь, здесь завернешься – глядишь и не озябнешь во льду. В машине-то печки же нету, там и без печки тесновато...

– А как у вас, Дядюшка, насчет пожрать? – поинтересовался Щербатин.

Капитан снова прищурился в ласковой улыбке.

– На еде работаем, – с легкой укоризной напомнил он. – Уж как-нибудь не проголодаемся. – Он поднялся, поддернул штаны. – Ну, пошли, ребятки. Пошли машину глядеть.

Путь наш лежал в один из отдаленных ангаров. Я шагал, поглядывая по сторонам, и представлял себя то на авторемонтном участке, то на мясокомбинате, то на военной базе.

Вот трое работяг прут, выбиваясь из сил, огромную гну-

тую железку. Вот выстроились новобранцы в необмятых робах, а перед ними – то ли начальник, то ли инструктор. А вот грузят на гусеничную платформу грязные баки, из которых выплескивается какая-то жижа.

С трудом верилось, что мы причастны к совершенной, достигшей всех мыслимых высот Цивилизации. Но, может быть, это только ее задворки? Скорее всего так и есть.

– Щербатин, а есть где-нибудь другая Цивилизация?

– Понятия не имею. А тебе этой мало?

Мы наконец пришли. В гулком холодном ангаре я увидел машину, на которой нам предстояло работать ближайшие два периода, добывая питательную пульпу. На вид она напоминала муравья, у которого выросло в три раза больше ног и усов, чем положено. Впереди – круглая вытянутая кабина с окошками из толстого стекла. За ней такой же округлый корпус. А вокруг – десятки раздвижных штанг с пиками и крючьями на концах. И еще снизу кабины – гофрированный хобот с наискось срезанной стальной трубкой. И все это размерами с локомотив.

Машина пребывала в состоянии ремонта. Несколько работников вяло ползали по ней, звеня инструментами. Двое сидели у стены и дули на озябшие пальцы.

– Вот она, – с теплотой проговорил Дядюшка Лу. – Ледоход. Кормилец. Нет, «Кормилец» у другого экипажа, а наш – «Добыватель уцим».

– Это название? – спросил я.

– Имя, – многозначительно поправил Дядюшка.

– А почему такое прозаическое? Хотите, я придумаю?

– Что придумаешь?

– Другое имя, получше. Ну, скажем, «Снежная королева»...

– Не надо нам никаких королев, – забеспокоился капитан. – Нам надо ущим добывать, нам добыватель нужен, а не королева. Ребятишки! – позвал он.

Вылезли трое. Чумазые, изодранные, с обмороженными лицами.

– Вот, ребятишки мои. Вместе на червя пойдем. Это Джи, это Ну-Ну, а это вот – Пок. Знакомьтесь, это наши новенькие. Беня и Щерба.

Мы со Щербатиным постарались выглядеть вежливыми и дружески настроенными. Я, чтобы не перепутать имена, запомнил новых соратников по особым приметам: у Джи не хватало нескольких передних зубов, Пок все время икал и кашлял, а Ну-Ну то и дело нервно оглядывался, словно опасался слезки. Нашему появлению, как мне показалось, они были очень рады.

– Ну вот, – развел руками Дядюшка, добродушно улыбаясь. – Сейчас гаечки завертим, болтики подкрутим – и в дорожку.

Подкручивание болтиков затянулось надолго. Мне и Щербатину пришлось еще помогать устанавливать чистые баки для пульпы – они крепились на корпус ледохода с помощью

проволочных узлов.

Потом пришел транспорт – гусеничный вездеход и длинная платформа, на которую погрузили «Добывателя уцим». При этом, мне показалось, сломали две штанги.

Нам пришлось трястись на платформе, на самом морозе. Я сидел, завернувшись во все тряпки, которые только удалось найти по углам и закоулкам. Вместо варежек я приспособил тройной слой белых носков. Однако Джи при этом, кажется, поглядывал на меня неодобрительно.

База давно скрылась за горизонтом, вокруг простиралась ледяная степь, кое-где перечеркнутая трещинами. Ветер гнал впереди нас бог весть как попавший сюда одноразовый носок. Я откровенно тосковал и завистливо поглядывал на кабину, где в тепле и уюте пребывал наш капитан.

– Щербатин, ты жив еще?

– Не дождешься...

– Щербатин, неужели Цивилизация не придумала теплых вагончиков для нас?

– А Цивилизация не раздает свои блага кому попало.

– Я не кто попало, я все-таки человек.

– Ты ноль. – Щербатин ядовито засмеялся. – Ты – серая масса.

На бритвенно-ровном краю горизонта затемнела крошечная точка. Она приблизилась и распалась на потрепанный брезентовый купол и два гусеничных вездехода. Нас ждали. Несколько человек махали нам руками и подпрыгивали – то

ли от холода, то ли от нетерпения.

Дядюшка Лу на ходу выскочил из кабины и зашагал к встречающим. Шарфы, шнурки и тесемки трепетали на ледяном ветру. Потом нас подвели к широкой расщелине во льду, которая, как мне показалась, была искусственно расширена.

– Здесь червь! Здесь большой червь! – тараторил незнакомый человек, на котором было напялено, по всей видимости, три или четыре теплые робы. – Я лед слушал: у-у-у! У-у-у! И воздух дышит, чувствуете?

Дядюшка и его многоопытная команда с профессиональным интересом оглядели расщелину, послушали, потом зачем-то взяли с краев и примяли на ладонях комки снега. Покивали друг другу. Дядюшка посмотрел по сторонам и махнул рукой: можно начинать.

– А вы чего? – кликнул он нас. – Лезьте в машину-то, лезьте!

Мы с Щербатиным панически переглянулись. В кабину пришлось влезать кое-как через крошечную дверцу в самом низу. Внутри была жуткая теснота, мне даже пришлось снова выбираться, чтобы Ну-Ну смог протиснуться в машинное отделение.

Мы разглядели небольшое железное креслице, перед которым торчал целый куст рычагов и рукояток. Было темно, свет пробивался через узкое исцарапанное стекло перед креслом. Я то и дело натыкался боками на какие-то торча-

щие детали. Стало ясно, почему на всех промысловиках так изодрана одежда.

– Вон там примоститесь как-нибудь, – посоветовал Дядюшка, занимая свое капитанское кресло. – И обвяжитесь, бросать же будет.

Наконец мы кое-как устроились. Щербатин – на полу, я – на узком металлическом ящике у стены. Неподалеку приспособились и Джи с Поком. Со стен свисали обрывки засаленных веревок, которые мы обвязали вокруг себя. Затем капитан постучал ногой в железную стену, и наш ледоход начали стаскивать с грузовой платформы.

С гулким скрежетом «Добыватель уцим» воткнулся в расщелину. Мы повисли на своих веревках, не в силах вдохнуть или выдохнуть.

– Можно! – крикнул Ну-Ну из своего отсека, и Дядюшка взялся за свои рычаги.

Заработали фрезы, застучали неведомые механизмы внутри корпуса, и наша железная скорлупка принялась протискиваться в ледяной мир. Свет померк. Дядюшка включил внешнюю фару, но ее свет видел только он сам через смотровое стекло.

– Стой! – крикнул через минуту Ну-Ну и затем начал долбить чем-то тяжелым по металлу. – Можно! – разрешил он, закончив.

Действительно, начало бросать. Веревки врезались в тело, кроме того, с непривычки начало тошнить. Я пока держал-

ся, лишь издавал иногда сдавленные всхлипы. Щербатин же только поругивался вполголоса.

Я заметил, что Пок поглядывает на наши мучения с понимающей усмешкой. Вдруг подумал: что будет, если меня вырвет и все разнесет по кабине. Тогда им будет не до усмешек.

– Страшно? – крикнул Пок, перекрывая лязг шестеренок.

– Весело, – ответил ему Щербатин. А я спросил:

– Черви не очень опасные?

– Не-ет! – рассмеялся Пок. – Червь – он тебя и не заметит. Да ты все равно в кабине... – Он закашлялся и примолк.

Тут ледоход начало очень уж сильно швырять, и мы вцепились в свои веревки. Наверно, трещина пошла зигзагами. Вдобавок по корпусу стали бить ледяные глыбы, которые отваливались от прикосновений машины. Я уже решил, что вернусь наверх в виде отдельных кусков, как вдруг тряска закончилась, сменившись ритмичным покачиванием.

– Ну все, – вздохнул Дядюшка. – Нора началась, можно передохнуть.

Он бросил рычаги, а из машинного отсека высунулась физиономия Ну-Ну.

– Штанга четвертая выпадает, – сообщил он, настороженно оглянувшись. – И крюки в двух местах уже сточены.

– А куда смотрели? – немного рассердился капитан. – Чего тогда ремонтировали? Ладно... – Он махнул рукой. – Покушаем, пока тихо.

Выяснилось, что я сижу на ящике с комбикормом. Чтобы

с него слезть, пришлось потеснить Щербатина, а тот в свою очередь сдвинул с места Жи. Пок, стараясь кашлять в сторону, раскидал кормежку по картонным тарелкам, раздал дощечки-ложки. С великим трудом к нам втиснулся и Ну-Ну.

Машина, плавно покачиваясь, шла по тоннелю, а мы жевали перетертую траву, скорчившись в три погибели.

– Нравится у нас? – поинтересовался Дядюшка, облизывая свою дощечку.

Щербатин бросил на меня предостерегающий взгляд, потом ответил:

– Конечно! Хорошая работа, хорошие люди.

– М-да... – умиротворенно закивал капитан. – Догоним червя – будет для нас чего-нибудь вкусненькое. А вы надолго хотите тут остаться?

– До первого холо, – пожал плечами Щербатин.

– А вот и зря. Куда вы с этим первым холо? В такую же дыру, только в другом месте. Я тут уже двадцатый сезон, к вашему сведению.

– Да, – присоединился Жи, обнажив беззубую улыбку. – Дядюшка у нас ветеран. Самый опытный промысловик. У него пятое холо.

– Пятое холо? – Щербатин с сомнением оглядел изодранный наряд капитана. Тот это заметил.

– А ты на одежду не гляди, – с укоризной сказал он. – Ты вот куда гляди...

Он полез под свои рычаги и выудил оттуда некий свер-

ток. Встряхнул, расправил – и перед нами заблестел длинный расшитый золотом халат.

– Вот! – со значением проговорил капитан. – Вот в чем я войду в Цивилизацию. И не с первым холо, а с шестым. Сразу как уважаемый гражданин. Посмотрят и увидят: Человек! – Он поднял палец. – А вы говорите, первое холо...

– Правильно, Дядюшка Лу, – почтительно согласился Ну-Ну.

– Я не буду размениваться на мелочи. – Тон капитана вдруг сделался резче, в глазах блеснули психопатические искорки. – Я приду в дом из нескольких комнат. У меня будет домашний помощник. У меня будет право каждый день посещать развлекательные центры, причем с отдельным столиком. За этот столик я смогу садиться с любой женщиной. Меня будет возить наземная машина...

Дядюшка распаялся. Стало страшно, что он сейчас взорвется или лопнет. Чувствовалось, что ему хочется встать в полный рост, но тогда он въехал бы головой в потолок кабины.

– Посмотрим, кто кому будет кланяться! – рычал наш капитан. – Посмотрим, кто будет выпрашивать лишнюю пару ботинок или деталь для ледохода! Вот тогда-то сразу станет ясно, кто человек, а кто просто так...

Он вдруг резко сник, скомкал свой халат и затолкал его под рычаги. Оглядел нас чуть виноватым взглядом, потом вернул на лицо обычную ласковую улыбку.

– Ну, кушайте, кушайте...

Я передвинулся ближе к смотровому стеклу, пригляделся. В желтом свете фары уходил в неведомую даль ледовый тоннель. Машина двигалась по нему, расставив в стороны свои штанги и распорки, упираясь ими в стены. Наверно, со стороны «Добыватель уцим» напоминал раскоряченного паука, ползущего в трубе.

Звенели и щелкали шестеренки в механизме, скрипели сочленения штанг. Тихо шуршал осыпающийся лед. Кабина уже согрелась нашим дыханием, потянуло в сон.

– А вы поспите, – посоветовал Дядюшка, заметив мой нечаянный зевок. – Червя еще долго будем гнать. Вам пока и заняться нечем. Поспите...

Собравшись в клубок и обмотав себя веревками на случай кувырков и тряски, я затих на полу кабины. Перед тем как погрузиться в сон, я еще долго слышал, как кашляет Пок, как Ну-Ну перекликается с капитаном и долбит чем-то тяжелым по железному.

* * *

Я подумал, меня бьют ногами человек десять. Но оказалось, это ледоход так трясется, что я болтаюсь на своих веревках, подобно марионетке.

– Давай, шевелись! – орал мне в лицо Жи. – Подымайся! Спать сюда пришел?

– Червь, червь... – бормотал Дядюшка, и его голос дрожал от возбуждения.

В полутьме кабины я налетел на кого-то головой и тут же в ответ получил по этой голове коленом.

– Обвязывай здесь и здесь, – донесся голос Пока.

Я разглядел, как Щербатин и Джи возятся вокруг Пока, опутывая его длинным канатом. Из машинного отделения неслась ругань Ну-Ну и частый громкий стук.

– Помогай! – крикнул мне Джи.

Я тупо взялся за край каната.

– Ребятюшки, торопитесь, – стонал капитан. – Шибко быстро ползет.

Я на мгновение взгляделся в смотровое стекло. Фара светила слабо и неровно, однако я увидел червя. Мне показалось, что впереди нас глухая черная стена. Она колыхалась, то сжималась, то снова надувалась и постоянно уходила от нас.

– Жми на полную, цепляемся! – крикнул Джи и грохнул ногой в переборку машинного отсека. Стук оттуда участился.

Джи прыгнул и опустился на корточки рядом с капитанским креслом и тоже уцепился за рычаги. Я поражался, как его не сносит с места ужасающая качка и тряска. Видимо, дело привычки.

Ледоход ускорил движение, живая стена стала приближаться.

– Еще малость... – бормотал капитан. – Еще чуточки...

– Есть! – крикнул Джи. – Зацепили.

– Еще одну, – отозвался Дядюшка.

– И еще одну, – охотно кивнул Джи.

Они втыкали в тело червя свои пики и гарпуны, чтобы закрепиться. Крючья заскрежетали по льду, обваливая стены – теперь уже ледоход не сам двигался, его тащил червь.

– Четыре точки, – доложил Джи. – Еще?

– Хорош. Опускайте Пока.

– Опускайте Пока! – крикнул Джи, повернувшись к нам со Щербатиным.

Мой приятель, видимо, уже знал, что делать. Он согнулся к люку в полу и распахнул дверцу. Подуло ледяным сквозняком. В черном провале едва заметно мелькали белые стены тоннеля.

– Давай, Пок! – ободрил Джи.

Пок начал осторожно вылезать в люк. Я придерживал канат, перепустив его через плечо, Щербатин подстраховывал нас обоих. Мне было, наверно, так же страшно, как Поку. Вылезать из ледохода навстречу холодному, бегущему на тебя мраку – все равно что прыгать из поезда в тоннеле метро. Именно тогда мне стало ясно, почему на разработках так быстро присваиваются холо.

– Закрепляюсь! – сообщил Пок. Он делал подвижную петлю на скобе, приваренной снаружи кабины.

«Как бы не свалиться, – мимоходом подумал я. – Костей

потом не соберешь».

Мы не видели, как Пок перебрался на тело червя. Либо перепрыгнул, либо осторожно перешел по гарпунам.

– Порядок! – крикнул Жи. – Ребята, к насосу, живо!

Щербатин первым начал протискиваться в машинное отделение. У меня было несколько секунд, чтобы выглянуть наружу. Пок взялся за гофрированный шланг-хобот, что висел спереди кабины, и теперь осторожно втыкал острый металлический конец в тело червя.

Я вслед за Щербатиным влез в машинный отсек. Мы скорчились в тесноте, нащупывая рукоятки насоса.

– Качайте, качайте! – донесся голос капитана.

Насос сначала шел совсем легко, потом в нем захлюпало, и рукоятки стали тормозиться. Ну-Ну приложил ухо к корпусу, потом выглянул в кабину.

– Нету ничего! – крикнул он Дядюшке. – Глубже надо.

Качать стало тяжело – пульпа пошла в баки. Через минуту я понял, что выдыхаюсь. Если бы стоять, широко расставив ноги, тогда ничего. Но в положении полусидя и на весу физическая работа превратилась в пытку.

– Не сачкуй! – разозлился Щербатин, заметив, как слабеет мой трудовой пыл. – Я за тебя ущим зарабатывать не буду.

Силы кончались, но снова откуда-то брались. У меня болела спина, бока, шея. И руки, конечно. Насос с аппетитным чавканьем перегонял червячью пульпу, она выползала через неплотности, и скоро под ногами стало скользко. Вдобавок

завоняло желчью.

Потом насос начал снова хлюпать, и вскоре качать стало легко.

– Все, кончайте! – дал отмашку Ну-Ну. – Надо место менять.

Мы со Щербатиным, обессиленные, вывалились в кабину. Руки тряслись, как после отбойного молотка.

– Уморились, – улыбнулся Дядюшка Лу. – Ну, отдохните пока. Червя долго доить нельзя. Два бака уже полные. Надо ждать, пока пульпа снова придет.

* * *

Я молил, чтобы ожидание продлилось подольше. После насоса я готов был заснуть и спать долго-долго.

Но тут вдруг в кабине появился Пок. Его тоже трясло – от холода. Щербатин нашел в себе немного сил, чтобы помочь ему влезть в люк.

– Холодно как, – выдохнул Пок, растирая руки. Потом полез за пазуху и вытащил кусок чего-то черного, блестящего и мокрого.

– О-о, а вот и вкусненькое! – обрадовался Дядюшка.

Пок вытирал об одежду большой кривой нож. Я понял, что он отрезал кусочек от червя, чтобы порадовать нас свеженьким мясом.

– Сейчас, сейчас... – пообещал капитан, вытаскивая от-

куда-то предмет, более всего похожий на большую мясорубку. – Приготовим, пробуем... Червя-то доить пока нельзя, пусть себе ползет.

Мясорубку закрепили прямо на капитанском кресле. Джи поделил кусок на части и присыпал каким-то зеленым порошком. Капитан начал крутить рукоятку, из раструба поползла темная масса с зелеными вкраплениями. Джи подставлял под нее картонные тарелки, время от времени досыпая в мясорубку новые порции порошка.

– Беня, ты проголодался? – тихо спросил Щербатин.

– Я бы не сказал.

– Вот и я тоже не очень голодный.

– А отказываться неудобно...

Капитан все крутил рукоятку, а черная масса все лезла и лезла. Я заметил, как повеселел экипаж, с каким нетерпением наши спутники глядят на любимое блюдо. Даже Ну-Ну высунул голову из своей железной каморки и беспокойно принюхивался, словно боялся оказаться без порции.

– У всех профессий есть свои достоинства и недостатки, – глубокомысленно проговорил Дядюшка. – Только у нас да у охотников есть возможность иногда откусать свежатинки. Там, в центре, таким продуктом питаются только после четвертого холо.

– А чем – до четвертого?

– Вы – синтетикой, – сочувственно улыбнулся Дядюшка. – Станете побогаче, будете получать еду из червячной пульпы

и другой органики. Ну а для десятого холо, например, выводят специальных животных и выращивают особые растения. До этого вам еще долго расти.

Мы со Щербатиным выразительно переглянулись. Дома мы без всяких холо жрали картошку и другие «особые растения».

– А синтетика была не так уж плоха, – не разжимая зубов, проговорил Щербатин.

– Ну, кушайте. – Дядюшка протянул нам по тарелке. – Пользуйтесь удачным случаем. И Поку скажите спасибо.

– Спасибо тебе, Пок, – задумчиво вздохнул Щербатин, осторожно нюхая деликатес.

– Наверно, очень вкусно, – добавил я для пущей вежливости.

Я не успел даже как следует разглядеть блюдо, как вдруг оно оказалось у меня на лице. Я и не понял, как это произошло, просто тарелка выпрыгнула из рук и прилипла к носу. Через долю секунды по ушам пропилил оглушительный скрежет, и мы все повалились с ног.

Далее все происходило, как в замедленном кино. Дядюшка, Джи и Пок вдруг непостижимым образом отделились от меня где-то на метр. Потом я заметил, что между нами разрыв в полу и он стремительно растет. Ну-Ну пронзительно вскрикнул и рухнул в этот разрыв, моментально исчезнув из вида. Я бы тоже упал, потому что пол вдруг резко накренился, но Щербатин схватил меня за шиворот.

Ледоход разорвался на две части. Червяк, по всей видимости, заметил трещину в стене и решил ее разведать, свернув из ровного и просторного тоннеля. Об край этой трещины и шарахнуло нашего «Добывателя уцим».

Я не сразу успел испугаться. Я машинально схватился за какую-то железку – это оказалась штанга, застрявшая в ледяной стене – и еще несколько секунд видел, как удаляется оторванная кабина, прицепившаяся к телу червя. Еще я успел увидеть, как из нее выпал и сгинул во мраке наш капитан, за ним – Джи, ну а дальше просто отключились бортовые лампочки и все потонуло в темноте.

Я висел в этой темноте, уцепившись за холодную железку, словно утопающий за соломинку. Штанга медленно накренилась, ломая хрупкий лед.

– Бенья! – заорал где-то рядом Щербатин.

– Я здесь!

– Я тоже здесь. Она падает!

– Кто?

– Машина падает.

Оставшаяся часть ледохода, видимо, еще держалась на своих крючьях. Но я уже слышал, как осыпается лед, как он скрипит, как медленно отпускает вцепившиеся в него распорки.

– Бенья-а-а! Я пада-а-а...

Он сорвался. Но звук его голоса удалялся медленно. Похоже, он не падал в бездну, а просто скользил по ледяному

желобу.

– Щербатин!

Ответа не последовало. Я покрепче вцепился в свою железку. Я, наверно, мог держаться за нее сколько угодно, целую вечность – лишь бы не свалиться вниз, в темноту, в неизвестность. Сил бы хватило – так мне казалось.

Но лед не хотел меня держать. Он ломался, медленно осыпаясь, стуча маленькими хрупкими кусочками где-то внизу. Вдруг рядом что-то оглушительно ухнуло, треснуло, заскрежетало. Через секунду я услышал внизу приглушенный удар и шум падающего льда. Я понял – машина тоже свалилась со стены. Очередь за мной.

Штанга пришла в движение. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее она выкорчевывалась из ледяной стены. Я попытался вскарабкаться, я забил ногами по воздуху в нелепых попытках зацепиться хоть за что-нибудь.

Но ноги ощутили только пустоту. Через мгновение я оказался без всякой опоры.

* * *

Не могу утверждать, что за те несколько секунд перед глазами прошла вся моя жизнь. Да, жизнь прошла, но не та, что была. Я увидел жизнь, которая могла бы быть.

Я увидел и высокие светлые города, и толпы друзей, и улыбки женщин, я почувствовал запах утреннего леса из ок-

на, я услышал шорох груды исписанных листов, которые шевелит на столе ветер... И еще много чего хорошего – такого, что у меня бывает только в мечтах. Но постоянно на передний план выползала физиономия Щербатина. И он говорил мне с глумливой улыбкой: «Беня, я сделаю из тебя человека».

Сделал. Спасибо.

И вдруг я понял, что жив. Да, я падал, я ударялся о лед, я катился по нему, куда-то проваливался. Орал, помню. И почему-то остался жив.

Вокруг было светло. Я лежал на толстом-толстом ковре из какого-то моха или лишайника, и этот лишайник светился. Несильно, не так, как электрическая лампочка. Но он был повсюду, поэтому везде было светло.

– Цел? – раздался рядом голос Щербатина.

Я молча встал. Встал сам, не обращая внимания на боль, терзающую все тело. Щербатин был рядышком, он стоял, морщась и потирая бока и плечи. Я смотрел на него. Он смотрел на меня. Я искал ругательства, которые могли бы выразить хоть часть того чувства, что клокотало у меня внутри.

Таких ругательств не находилось. Все казались слишком вежливыми.

Я смотрел на него, а он на меня.

– Ну хватит, – проронил он наконец. – Ты же сам мечтал пережить крушение корабля, забыл уже?

– Сволочь, – неслышно выдохнул я.

Я сел на землю – синяки и ушибы напоминали о себе. Я посмотрел вокруг: неровная бугристая поверхность, сплошь заросшая светящимися растениями. Ледяные столбы, спускающиеся из черноты. Гигантские сосульки, влага, осторожный стук капель.

– А здесь и не холодно, – беспечно произнес Щербатин, снимая теплую промысловую робу.

Свет от растений не давал теней, и от этого окружающий мир казался нереальным, искусственным, как компьютерная игра. Или как кино. Неподалеку уродливым пауком темнели останки ледохода. Штанги и распорки беспомощно торчали в стороны.

Щербатин сначала терпел то нервное напряжение, которое исходило от меня, потом оно стало его бесить. Он что-то забормотал, зачертыхался. И наконец взорвался.

– Ну все, хватит! – заорал он. – Хватит! Ты знал, на что шел. Ты видел, что это опасно. И ты сам этого хотел.

– Я не шел, – тихо и внятно ответил я. – Ты меня вел.

– А раз сам ходить не можешь, тогда молчи!

– А я и молчу.

– Слишком выразительно молчишь.

Мы вдруг оба притихли. Я бы даже сказал, потухли, как прогоревшие свечи. Я сидел и рассеянно потирал свои шишки. Щербатин ходил взад-вперед, мельтеша перед глазами.

– Ну все, – спокойно сказал он. – Есть соображения?

– Нет.

– Тогда вставай и пошли. Можешь идти?

– Я никуда не пойду.

– Как? – У моего приятеля просто отпала челюсть.

– Я буду сидеть и ждать помощи. Если мы начнем бродить, нас не найдут. Нужно сидеть на одном месте и ждать.

– Ждать? – еще больше изумился Щербатин. – Чего ждать?

– Помощи. Потерпела аварию машина. Пострадали шесть человек. Нас должны искать. Поэтому не будем усложнять работу спасателям и блуждать по этому подземелью.

Щербатин несколько раз кивнул с очень странным выражением лица.

– Все сказал? А теперь послушай меня. Никто нас спасать не будет. Ни одного идиота не найдется лезть в эти пещеры ради кучки разнорабочих с нулевым холо. Никто не станет долбить лед на несколько километров и вытаскивать безвестного поэта. Это ясно?

– Неясно.

– Зато правильно. А поэтому мы сейчас встанем и пойдем искать людей. Если наша машина разбилась, значит, могли разбиться и другие. Если мы остались живы, то и другие тоже смогли спастись. И, возможно, они продолжают где-то тут жить и как-то кормиться. Ты ведь хочешь кушать?

– Потерплю.

– Не замечал за тобой особой терпеливости. Через час

начнешь ныть и просить, чтобы я раздобыл тебе обед. А поэтому вставай, дорогой мой, и – шагом марш за мной!

Он подошел к разбитому ледоходу и оторвал одну из распорок с острым наконечником.

– Будет у нас вроде оружия на всякий случай. Тяжелая штука, понесем по очереди. Ну вставай, пошли. Э-эх, жаль, не нарисовали и здесь желтую полосу. Привела бы куда надо.

Ну, естественно, я встал и пошел. Остаться без Щербатина для меня означало бы верную смерть.

Мы шли и шли, а призрачный мир вокруг практически не менялся. Здесь, наверно, и времени не существовало – зачем оно? Иногда что-то происходило – например, где-то далеко обрушивалась ледяная глыба. Или вдруг начинало хлюпать под ногами. Или нам приходилось перебираться через ручей, в котором змеились светящиеся водоросли.

Ледяной потолок над нами то уходил высоко во мрак, то опускался так, что можно было потыкать в него нашим «копьем». Столбы и сосульки порою срастались в стены, так что нам приходилось идти через коридоры. Светящийся мох шуршал под ногами, отломанные веточки падали и медленно гасли.

Потом вдруг Щербатин, шедший впереди, зацепился за что-то ногой.

– Ну и ну! – сказал он, поднимая находку. – Вот она – последняя весточка от незабвенного Дядюшки Лу, нашего доблестного капитана.

Он держал в руках Дядюшкин халат. Я машинально взглянул наверх, но там была только чернота.

– Хочешь? – спросил Щербатин.

Мне было все равно.

– Ну тогда я поношу. – Он натянул халат на себя. – Кажется, в пору.

Что и говорить, странное зрелище мы представляли. Два путника в призрачном свете: один в золотом халате и с копьем, другой – понурый и поникший, со всем смирившийся.

– Щербатин. – Я остановился. – Посмотри. Этого следовало ожидать.

Впереди громоздились останки ледохода. Нашего ледохода. Естественно, что, идя без ориентиров, мы сделали круг.

– Тихо. – Щербатин вдруг насторожился. Я присел на корточки.

Здесь были люди, несколько человек. Они ползали среди светящихся растений и, видимо, собирали останки нашего кораблекрушения.

– Зря мы ушли, Щербатин, – сказал я. – Наше место уже захватили аборигены.

– Они его и так бы захватили, – ответил он и смерил меня взглядом. – С такими-то защитниками...

Нас заметили. Худые оборванные фигуры вдруг зашевелились совсем рядом, заблестели глаза. Костлявые пальцы сжимали палки или пики вроде нашей.

– Проваливайте, – сипло проговорил один незнакомец.

– Да мы... – Щербатин шагнул вперед, но едва не наткнулся грудью на пикау.

– Проваливайте.

– Это наш ледоход, – клялся Щербатин. – Мы только что на нем...

– Это не ваш ледоход. Проваливайте.

Аборигены вообще не желали с нами разговаривать. Придвигаясь маленькими шажками, помахивая пиками и дубинами, они оттесняли нас от трофеев. Я мог их понять. Когда еды на всех мало, любой незнакомец – враг.

– Ты вроде людей искал? – произнес я, когда нас отогнали и ледоход скрылся из вида. – Нашел, поздравляю. Хорошо, хоть не раздели.

– Мы идиоты, Беня.

– За всех не говори.

– Нет, я за всех скажу. Ты тоже идиот. Ты тоже не догадался, что в машине мог сохраниться ящик с комбикормом.

– О-о, черт! – простонал я. – Но ведь мог и не сохраниться?

– Да, Беня, мог и не сохраниться. Будем утешать себя этим. Два идиота...

Мы побродили немного, потом посидели. Потом снова отправились бродить. Нашли почерневшие обрывки бумажного носка.

– Надо было хоть спросить, что они тут жрут, – подал голос Щербатин.

– В данный момент – наш комбикорм.

– Давай, что ли, присядем.

Видимо, голод уже начал пробираться. Ноги не хотели ходить, руки – шевелиться. Наступила апатия. Мы сидели прямо на святающихся растениях и даже не разговаривали.

Потом я прилег. Но лежать было не очень удобно, я снял теплую куртку и подстелил под себя. И, кажется, уснул.

Сколько спал, не знаю. Но когда открыл глаза, слышался какой-то гул. Щербатин был рядом, он тоже прислушался. Мы оба решили, что очередная ледяная глыба обрушилась с потолка. Впрочем, для нас этот потолок был небом.

А глыба оказалась вовсе и не глыбой.

Мы решили, что начался какой-то катаклизм. С потолка-неба очень быстро опустилось нечто черное, огромное и подвижное. Там, где оно касалось святающихся зарослей, оставались черные полосы и кучи поднятого грунта. Ледяная крошка вперемешку с громадными кусками валилась непрерывным потоком, это был настоящий ледопад.

Мы со Щербатиным, естественно, уже удирали изо всех своих слабых сил. Он даже позабыл про пику.

– Все, стой, – выдавил вдруг он. – Не могу....

– Что... – Я тоже тяжело дышал. – Что это было?

– Это червяк. – Щербатин с шумным выдохом опустился на колени. – Это чертов ледяной червяк, он жрет свою траву.

– Он мог нас придавить и даже не заметить.

– Мог, Бенья...

Мы посидели, отдышались. Переглянулись.

– Ну пошли, что ли, поглядим, – вздохнул Щербатин. – Он уже, наверно, не вернется. Он там все сожрал.

Мы ходили по вспоротой земле, присыпанной ледком. Медленно угасали обломки светящихся веточек. Было жутко видеть это: так, наверно, выглядит земля после бомбежки.

Щербатин нашел свою пику и нехотя поднял ее, словно не очень стремился принимать на себя лишнюю тяжесть.

– Посидим, – предложил он.

Мы сперва помалкивали. Щербатин задумчиво обнюхивал обломок светящейся ветки, потом лизнул его, попробовал укусить. Наконец бросил под ноги.

– Щербатин, – вяло проговорил я, – вот скажи: тебе плохо было в твоей пятикомнатной квартире?

– Плохо, – просто ответил он.

– Что, даже хуже, чем здесь и сейчас?

– Хуже.

– Не понимаю... – пробормотал я. – Ну ладно я – спяну, можно сказать, сюда попал. Но ты! Сознательно ведь!

Щербатин воспроизвел нечто среднее между вздохом и стоном. Мы не понимали друг друга.

– Что у тебя там осталось, Бенья? – проговорил он, стараясь выглядеть спокойным и терпеливым наставником.

– Жизнь! – воскликнул я. – Нормальная человеческая жизнь! Ты что, идиот?

– Жизнь, – кивнул мой приятель. – Хорошо. Нормальная

жизнь. Дай-ка я попробую ее себе представить. И так...

Он прищурился, подперев голову кулаком.

– И так, – повторил он, – жизнь. Утро. Ты просыпаешься в несвежей постели. И из холодильника наверняка воняет. Это твое утро. Оно начинается с затхлых простыней и такого же холодильника. Продолжать?

– Зачем?

– Буду продолжать. Работа. Нет, дорога на работу. В троллейбусе ты смотришь на красивых женщин. Ты думаешь: «Когда-нибудь, может быть...» Верно?

– Все смотрят!

– Верно. Смотрят, а потом действуют. Ты – просто смотришь. Тебе ничего не светит, ты это знаешь и поэтому только смотришь. Дальше – работа...

– Да заткнись же ты!

– Тихо, тихо... Слушай. Работа. Начать с того, что в твоём театре здороваться с тобой, пожалуй, не считает нужным даже вахтер. С тобой не пьют. И курить ты ходишь один...

– Я не курю!

– Соболезную. Даже в этом ты в стороне от коллектива. Над тобой посмеиваются. Стоит тебе просто споткнуться на лестнице, это превращается в местный анекдот. Так?

– Щербатин, хватит, – с угрозой проговорил я.

– Хорошо, хорошо. – Я заметил, как он отставил пику подальше. – Похоже, я угадал все в точности. Но самое ужасное, что это ты назвал нормальной жизнью! Для тебя это нор-

ма, Бенья!

– Я не это имел в виду!

– Да знаю я, что ты имел... Ну, теперь скажи – чем хуже сидеть тут со мной и думать, как выбраться отсюда? Бенья, учти, что мы будем хотя бы бороться. Пробовать. Ведь там ты и этого не делал.

– А если делал?

– Да перестань, не верю. О, чуть не забыл! Твоя жена, Бенья! От тебя ведь убежала жена. Уверен, это потрясающая история. Немедленно расскажи ее мне. – Он даже уселся поудобней, готовясь слушать.

– Щербатин, я не собираюсь это вспоминать.

– Ну, пожалуйста! – взмолился он и потер ладошки от нетерпения.

– Ладно, – проговорил я после непродолжительной паузы. – Раз уж тебя так разбирает... Это и вправду потрясающая история. Меня до сих пор трясет.

– Ну давай же, давай!

– Прихожу домой. Шкафы вывернуты, в серванте пусто. Я сразу понял, что она ушла. А потом увидел кассету на телевизоре – явно для меня положили. Я пошел к соседу – у меня видео нет...

– Естественно, – обронил Щербатин.

– Включаю. Там – она во весь экран. Улыбается. Говорит: «Смотри, дурачок, и учись». Отходит – и с учителем физкультуры... В разных позах. В спортзале. На кожаном мате.

На коне. Долго, со стонами. Никогда не слышал, чтоб она так стонала...

– И это естественно.

– Меня тут словно паралич прохватил. Прихожу в себя – сосед на свою кассету копию переписывает.

– А дальше?

– А все.

– А ты? – изумился Щербатин.

– Что я?

– Так и жил? Так ничего и не понял?

– Что я должен понять?! Черт возьми, я ждал от тебя сочувствия, а не нравоучений. Больше никогда и ничего не стану рассказывать.

– Бенья, Бенья... – Он устало покачал головой. И вдруг повел по сторонам глазами. – Слушай, мне это кажется или?..

Он прислушался. Я тоже.

– Какой-то стук, а? Или глючит?

– Вообще, да, – неуверенно согласился я. – И уже давно.

Я думал, капли падают...

– А ну... – Он поднялся, подхватив пику.

Мы принялись ходить взад-вперед, определяя, откуда идет звук. Я остановился возле гигантского ледяного столба, наполовину обрушенного. Похоже, его зацепил во время обеда червь. Я уже почти прошел мимо и вдруг встал как вкопанный.

Это было невероятно. Внутри столба что-то двигалось,

дергалось и прыгало. Стук шел изнутри.

Я так испугался, что бросился бежать. Из моего горла вырывался бессвязный крик – я пытался позвать Щербатина. Он и сам бежал ко мне, догадавшись, что дело неладно.

– Ну?!

– Там! – только и смог выдать я.

Вдвоем было не так страшно. Я набрался смелости подойти, хотя и держался за спиной Щербатина.

– Там человек, Бенья, – сказал он.

– Вижу.

– За работу. – Он перевел дух и поплевал на ладони.

* * *

Пика вгрызалась в лед, но он был прочным, сплошным, и отковырнуть большой кусок удавалось редко. Через несколько минут я сменил Щербатина и тут же убедился, насколько этот труд тяжел. Столб был огромным – как дом, он уходил вверх, в черную пустоту. Я со своей железкой ковырялся у его подножия, словно муравей с соломинкой.

Мы со Щербатиным сменили друг друга уже по два раза. Человек внутри, похоже, заметил наши старания. Он больше не колотился о стены ледяного склепа, терпеливо дожидаясь освобождения.

Наконец очередной удар Щербатина вывернул и обрушил здоровенную глыбу. Образовалось отверстие размером

с форточку, из него к нам протянулись две тонкие, посиневшие от холода ручонки. Щербатин осторожно тюкал железкой, расширяя проход.

– Бог послал нам женщину, Бенья, – сказал он.

Это и в самом деле была женщина. Миниатюрная дамочка с короткой стрижкой. Сколько ей лет, я понять не смог. Может, двадцать, а может – тридцать пять. Это была типичная женщина без возраста.

Она упала нам в руки сама не своя от холода и страха. На ней я увидел нечто похожее на военную форму, и, судя по всему, это облачение мало спасало ее от холода вечной мерзлоты. На рукаве я заметил эмблему – шесть звездочек, вписанных в треугольник.

– Спокойно, девочка, – добродушно произнес Щербатин и закутал ее в свой богатый золотой халат.

Некоторое время мы только разглядывали ее, жалели, гладили ладони и бормотали успокаивающие слова. И очень скоро пленница начала приходить в себя.

– Там Иль! – проговорила она и протянула маленький пальчик в сторону ледяного столба. – И оборудование. Там рамка, генератор и все наши запасы.

Щербатин послал в мою сторону едва заметный, но красноречивый взгляд. Я пожал плечами и полез вместе с пикой внутрь столба.

Природная келья, в которой неизвестно сколько просидела наша новая знакомая, была объемом не больше кабины

лифта. Я сразу увидел угол железного ящика, вмержшего в лед. Ящик оказался большим, выковыривать его пришлось бы долго. Еще я увидел того, кого дамочка назвала Иль.

Скорченное тело висело в прозрачной синеве льда. Глубоко – я едва различал очертания. Вряд ли человек, целиком замороженный в лед, прожил хотя бы пять минут. Об этом я и сказал, вернувшись к Щербатину и женщине.

– Бедный Иль, – всхлипнула дамочка, уткнув лицо в ладони. Потом быстро подняла на нас глаза. – Надо достать оборудование. Там рамка телепортатора и генератор.

– Телепортатор?! – Щербатин аж переменялся в лице. Вскочил, отобрал у меня пикку и бросился выдалбливать ящик.

– Вы можете мне установить технику? – Женщина обратила ко мне умоляющие глаза.

– Вы еще спрашиваете! – живо отозвался я.

Мы больше не разговаривали. Женщина куталась в халат, ее по-прежнему колотила дрожь, глаза бездумно смотрели в пустоту. Я решил не тревожить ее расспросами. Успеется. Минут через десять вернулся взмыленный Щербатин.

– Тяжко, – сообщил он, покачав головой. – Отдохну малость. Иди теперь ты поколоти.

Я, естественно, поколотил, хотя толку от моих стараний было куда меньше, чем от работы Щербатина. Ящик уже чуть-чуть шатался, он явно был очень тяжелым. Присутствие замороженного Иля нервировало. Мне казалось, он ревност-

но следит сквозь ледяную корку, аккуратно ли я обхожусь с его имуществом.

Силы наконец иссякли, и я отправился отдыхать. Щербатина и дамочку я застал за довольно оживленным разговором.

– Много здесь людей? – спрашивала она.

– Мы видели с десятков, – отвечал мой приятель. – Но мы здесь сами недавно. Еще даже толком не осмотрелись.

– А ваш экипаж – все погибли?

– Не видели их с тех пор, как ледоход развалился на части. Может статься, что и живы.

Я несмело присел рядом.

– Слышь, Бенья, сама судьба нам улыбнулась, – безмятежно проговорил Щербатин. – Эта сеньорита специально отправлена сюда, чтобы вызволять потерпевших крушение.

– Я же говорил, что нужно ждать спасателей!

– Нет-нет, я не спасатель! – Женщина энергично покачала головой. Потом протянула мне руку. – Меня зовут Кох-Иль. Инспектор-агент войскового кадрового управления.

– Кох-Иль, – повторил я. – Очень приятно. И как же вы попали сюда из своего военного управления?

– Я уже все выяснил, – ответил за нее Щербатин. – Ее контора занимается набором военнослужащих для регулярной армии. Поскольку здесь, во льдах, по расчетам военных, бродит не меньше пяти тысяч таких же неудачников, штаб решил открыть специальный вербовочный пункт...

– Ты шутишь? – спросил я на всякий случай.

Щербатин поглядел на меня долгим, усталым взглядом, потом махнул рукой.

– Пойдем-ка извлекать ящик.

– Да-да! – обрадовалась инспектор Кох-Иль.

Мы втиснулись в ледяную пещерку, не взяв с собой пик. Мне казалось, ящик уже можно просто раскатать и вытащить.

– Ты понял, Бенья? – горячо прошептал мне Щербатин прямо в ухо. – Мы вытаскиваем телепортатор! Никогда больше не заикайся, что тебе в жизни не везло.

– Какой еще телепортатор? – тоже зашептал я.

– Она сказала, рамочный. Раз – и там. Не знаешь, что ли?

– Зачем? Где там?

– Ну тебя в задницу, Бенья. Хватайся за ящик.

Неважно, что мы устали, пока тянули контейнер изо льда. Зато не замерзли в ледяном склепе. Правда, пришлось еще малость помахать пикой, чтобы расширить выход и извлечь ящик. Он и вправду был тяжелый. Большой, неподъемный, с крошечными неудобными ручками по бокам. И со звездным треугольником на крышке.

Гордые собой, мы отдыхали, поглядывая на свой трофей. Кох-Иль суетилась вокруг, проверяя целостность замков.

– А ей, кажется, понравился мой халат, – шепнул Щербатин. – Гляди, как на ней сидит хорошо. Будто всю жизнь в нем провела.

– Поменяй на пару уцим, – посоветовал я.

– А еще поэт, – презрительно фыркнул Щербатин. И приветливо помахал рукой дамочке. – Надеюсь, все цело?

– Да, все очень хорошо! Этот контейнер рассчитан на удары, падения и многое другое.

– Скажите, барышня, – вежливо проговорил Щербатин. – А вас-то каким ударом в лед загнало? Тоже авария?

– Просто неточность в расчетах, – вздохнула она. – Нас телепортировали в стороне от расчетной точки.

– А где была расчетная точка?

– Сонорные локаторы определили обширные пустоты под поверхностью льда. Там мы и должны были оказаться. Но телепортация без наводящей рамки дает погрешности. Мы попали в самую толщу.

– Спасибо червяку, – усмехнулся Щербатин. – Если бы он не обрушил половину этой сосульки, мы бы вас и не услышали.

– Вы и в самом деле хотите набрать тут армию? – поинтересовался я.

– Штаб изучил статистику аварий во льдах, – охотно ответила Кох-Иль. – Здесь должно быть достаточно людей, чтобы окупить работу наборного пункта. Думаю, многие из них согласятся перейти отсюда на военную службу. Вот вы, например...

Мы со Щербатиным удивленно переглянулись.

– Мы подумаем, – пробормотал он.

– Конечно, подумайте. – Кох-Иль улыбнулась. – Теперь давайте установим рамку. Потом будем решать, что делать с вами.

Мы вскочили и ринулись разбирать ящик. Ничего сложного в этой работе не оказалось. Восьмиугольную рамку мы собрали из легких матово-серебристых панелей. Генератор – тяжелую ребристую штуковину – присоединили толстым кабелем и отволокли подальше, чтоб не создавал помех рамке. Ну, еще пульт и какие-то другие мелкие части. Раскладной стульчик, например.

Кох-Иль тут же села проверять, как все работает. Мы со Щербатиным расположились неподалеку на большом камне и умиротворенно поглядывали на нее.

– Как думаешь, куда нам лучше отправиться? – проговорил он.

– Наверно, обратно на базу, – предположил я. – Пусть ставят нас в новый экипаж.

– Не знаю, Беня, не знаю. Во-первых, хочется ли тебе снова гоняться за червями, рискуя сломать шею?

– Сам не знаю, чего мне хочется.

– Во-от. И еще боюсь, на нас повесят стоимость разбитого ледохода.

– На нас?! Мы-то здесь при чем?

– А на кого вешать? На червя? При таком раскладе, Беня, мы будем тут ишачить почти даром.

– И что ты предлагаешь?

– Бежать отсюда надо. Согласись, лучше числиться среди погибших, чем среди раздолбаев, которые угробили ледоход.

– Куда бежать?

– Понятия не имею. Спросим у дамочки, какие варианты она сможет предложить. Думаю, найдем удачный ход...

Мы одновременно посмотрели на Кох-Иль. Она ответила нам ослепительной улыбкой и сказала:

– Связь есть! Сейчас будет обед.

– О-о! – Я и Щербатин, не сговариваясь, захлопали в ладоши.

Пространство внутри рамки словно подернулось рябью, и в следующую секунду из него выпала продолговатая белая коробочка. Дамочка положила ее себе на колени, осторожно открыла и начала кушать. Некоторое время мы смотрели на нее и улыбались. Она нам тоже улыбалась. Потом наши улыбки стали какими-то натянутыми.

– Сударыня, – пробормотал Щербатин. – Простите за навязчивость, но... Когда доставят порции для нас с товарищем?

– Для вас? – Кох-Иль искренне удивилась. – Разве для вас должны что-то доставить?

– Не то чтобы должны... – Щербатин, похоже, смутился, что случилось с ним крайне редко. – Но нам тоже хотелось бы... э-э... В некотором роде немножко покушать...

– О, я понимаю, что вам нужно питаться. Дело в том, что смета не предусматривает питание посторонних. И тем бо-

лее – доставку этого питания. Только я и Иль, но он уже исключен из сметы.

– Да я понимаю, – примирительно улыбнулся Щербатин. – Все получилось так неожиданно, мы тут тоже оказались непонятно как... Одним словом, положение сложилось критическое, и нам требуется помощь...

– О, я вас понимаю, – участливо заверила нас женщина. – Но я не занимаюсь разрешением критических ситуаций. Извините, я здесь совершенно по другой части.

Возникла небольшая, но тяжелая пауза.

– По другой части? – В голосе Щербатина просквозило нехорошее напряжение. – И что же нам делать?

– Питайтесь за счет собственных ресурсов. – Кох-Иль снова очень мило улыбнулась.

– Послушай, дамочка! – зарычал Щербатин. Это прозвучало как «Ты, сука!». – Каких еще ресурсов! Мы сидим тут идохнем с голода. А ты рассуждаешь про смету.

– Все, что я могу, – она аккуратно промокнула уголки губ салфеткой, – это заказать питание за ваш собственный счет. Сейчас я проверю ваш социальный номер и...

– А у нас его нет, – развел руками Щербатин.

– Нет номера? – Она по-настоящему удивилась. – Так что же, выходит... У вас нулевое холо?

– Да, да, у нас нулевое холо! – заорал Щербатин. – Мы, два придурка с нулевым холо, битый час кололи лед и вытаскивали тебя наружу, а ты даже отказываешься нас покормить!

– Минуточку! – На щеках Кох-Иль вдруг прорезались прямые складки, она стала похожа на маленькую строгую старушонку. – Вы добровольно выполнили работы по спасению моей жизни и оборудования. Это верно?

– Да, верно! – У Щербатина от злости тряслись губы.

– Мы не заключали предварительных соглашений о материальной стоимости ваших трудозатрат, правильно? И, кроме того, ваши действия не повлекли никаких расходов с вашей стороны. Это так?

– Коз-за! – только и смог выдавить Щербатин.

– В то же время доставка питания для вас обоих имеет стоимость и влечет расходы со стороны военного ведомства. Причем формально неоправданные затраты! Таким образом, оснований для обеспечения вас питанием нет!

– Нет оснований?! А то, что мы хотим есть, – это не основания?

– Миллиарды граждан Цивилизации хотят есть, – пожала плечами дамочка. – И ни одному из них не приходит в голову вымогать еду у официальных организаций за просто так.

– Э-э, простите... – попытался вмешаться я. – Но нас обещали пожизненно кормить, как только мы прибыли...

– Да, я знаю. Вас должны кормить организации, взявшие вас на учет. Где вы состоите в данный момент?

– Не знаю, – растерялся я. – Кажется, все еще на пищевых разработках.

– Вот, – кивнула Кох-Иль. – А при чем тут военное ве-

домство?

– Я сейчас ее порву... – обреченно выдохнул Щербатин.

– Не советую, – хмыкнула Кох-Иль и хлопнула ладошкой по какой-то бляхе на груди. Вокруг ее тела в тот же миг пересеклись дрожащие светящиеся нити нежно-фиолетового цвета, запахло озоном. Наша новая знакомая проявила способности электрического ската.

– Нет, ты видел, а? – Щербатин задыхался от ненависти.

– Странно, что ты этому удивляешься, – безразлично ответил я. – Ты громче всех кричал, что мы тут никому не нужны, что мы ничтожества, разнорабочие, неизвестные поэты и так далее.

– Но не в такой же степени! – рявкнул мой приятель.

Мне оставалось только пожать плечами. Кох-Иль тем временем выключила свою вольтову дугу, спокойно докушала, отряхнула ладошки и изучающе оглядела нас обоих.

– Вы успокоились? – сказала она. – Теперь послушайте официальное предложение.

– Давай, только быстрее, – буркнул Щербатин. – Жрать охота.

Она села, выпрямив спину, одернула свою форму и наш халат. Придала лицу соответствующее выражение.

– Транспространственный сектор войскового кадрового управления оккупационного корпуса «Треугольник» уполномочил меня предложить вам деловое сотрудничество. Миротворческие силы, действующие в системе УС-2, нуждаются

ся в пополнении. Вы, в свою очередь, нуждаетесь в благах Цивилизации и непрерывном наращивании своего социального статуса...

– Короче, – тихо буркнул Щербатин.

– Рамочный телепортатор позволяет мгновенно переправить вас обоих на Водавию – вторую планету системы УС-2, где вы автоматически зачисляетесь в штат оккупационного корпуса. Вам гарантируется бесплатная одежда, питание и медицинская помощь в течение всего срока службы. Минимальное вознаграждение военнослужащего составляет три тысячи уцим за полный период. Плюс дополнительные начисления за участие в особо сложных мероприятиях командования.

– То есть первое холо – за два периода? – недоверчиво проговорил Щербатин.

– Или даже быстрее, – официально улыбнулась женщина. – Однако пятьсот уцим с вас будет вычтено как компенсация расходов по переправке. Телепортация – дорогостоящая процедура.

– Да мы уж поняли... – пробормотал я.

– Эй, дамочка, – подал голос Щербатин. – А нельзя ли в другое место нас скинуть? Не на войну, а?

– Я работаю только от военного ведомства. – Она покачала головой. – Делайте выбор: остаться здесь или вернуться к благам Цивилизации.

– Замечательное благо – подохнуть на неизвестной планете

непонятно за что, – ответил на это мой приятель.

– И выбор прекрасный, – кивнул я. – Аж в глазах рябит от богатства выбора.

– Решайте.

Мы склонились друг к другу и стали решать. Хотя решать было, в общем, нечего. Не для того мы сбежали в другой конец Вселенной, чтобы до конца жизни ползать подо льдом и питаться светящимися кустами.

– Слушай меня, Беня, и не вздумай спорить, – предупредил Щербатин. – В любом случае нам придется лезть в эту рамку. На месте осмотримся. Может, сбежим. Может, найдем работенку получше.

– А может, повоюем? – предположил я. – Вроде условия неплохие.

– Запомни, Беня, на войне воюют только идиоты. Умные используют войну исключительно для личного обогащения.

– Готов поспорить...

– Позже поспорим. Надо убираться отсюда. Ты согласен?

– Ну, наверно, надо...

– «Наверно»! Есть другие предложения?

– Нет, конечно.

– Все, соглашаемся! Ты молчи, я буду говорить.

Мы распрямились и посмотрели на Кох-Иль. Она ответила формально-дежурной улыбкой. Пальчики – на пультике. Словно у преданной секретарши, готовой запечатлеть для вечности любое слово любимого шефа.

– Отправляй нас на войну, – сказал Щербатин. – Мы готовы.

Я подумал, что зря он мне рот затыкал. Такую речь я мог бы сочинить и сам.

– Вам как первым клиентам нашего пункта, – неторопливо и многообещающе проговорила дамочка, – предусмотрена скидка за пересылку – пятьдесят уцим. Поздравляю.

– Ай спасибо! – расхохотался Щербатин. – Ваша щедрость не знает границ! Уже можно отправляться?

– Да, пожалуйста, подойдите к рамке.

Мы подошли. Кох-Иль начала заниматься с кнопками на пульте. От рамки пошло едва слышимое низкое гудение.

– Это не больно? – вдруг испугался я.

– Если боишься – оставайся, – презрительно усмехнулся Щербатин.

– Можете входить, – сообщила женщина. – По одному. Если вас не встретят – найдете первую же желтую линию на полу и идите по ней.

– Обожди-ка! – всполошился Щербатин. – А ну, отдавай халат!

– Как? – оторопела Кох-Иль. – Я думала, это подарок...

– Щас! – злорадно рассмеялся Щербатин. – Раскатала губу, шалава... Давай халат, и быстро! Пусть тебя комиссионные уцимы за нас греют. Коз-за, блин...

Я тоже хотел сказать ей на прощание какую-нибудь обидную гадость, но не успел. Щербатин втолкнул меня в рамку

телепортатора.

* * *

Зря я так боялся. Да и вообще, как показывает опыт, я боюсь слишком многого. Телепортация оказалась совершенно не страшной штукой. Ненадолго потемнело в глазах, подул сквозняк, закружилась голова.

Через секунду я ощутил совсем другие запахи и звуки. Стало теплей. Еще не успев открыть глаза, я услышал какой-то странный монотонный шум. Он немного давил на уши, внушая какую-то тревогу или печаль.

Это был дождь. Самый обыкновенный дождь, он молотил по крыше металлического ангара, в который я вывалился через рамку телепортатора.

И вдруг я услышал аплодисменты. Меня, похоже, встречали.

– Первенец! – крикнул кто-то. – Канал работает!

Я начал суматошно озираться и наконец увидел. На меня глазели человек восемь или десять, все в серо-зеленой военной форме. Они хлопали в ладоши, смеялись и наперебой что-то друг другу говорили.

– Чур, это мой! – весело крикнул кто-то. – Я занимал.

Чуть погодя вслед за мной из рамки появился Щербатин. Ему также достались аплодисменты, но не такие задорные.

– Та-ак, – деловито проговорил он. – Что у нас тут?

– С прибытием, – сказал я.

Невзначай я поглядел вниз и вдруг увидел такую родную и знакомую желтую линию. Она стелилась из-под наших ног, убегая куда-то в глубь ангара.

К нам подошел очень молодой и весь такой свеженький парнишка со светло-рыжими вихрами. Его форма хотя и сидела не очень ладно, однако была куда качественнее, чем наши промысловые робы. Явно это был человек штабной и не простой.

– Новички? – спросил он, хотя это было ясно. Один только халат Щербатина чего стоил.

– Отличная работа, – продолжал парнишка. – Не успели отправить агентов – уже шлют нам новобранцев. Много вас там еще?

– Пока только двое, – осторожно ответил я.

– А еще-то есть?

– Есть. Там есть.

– Ну, хорошо. – Он отошел и критически оглядел нас обоим со стороны. Почему-то вздохнул. – Я лейб-мастер кадрового управления, меня зовут Чиз-Гио. Четвертое холо, – добавил он как бы между прочим. – Добро пожаловать на вторую базовую станцию оккупационного корпуса «Треугольник».

– Спасибо, – втиснул словечко Щербатин.

– Ждали вас с нетерпением, будете служить в одной из наших пехотных команд. С завтрашнего дня вы – бойцы-ци-

виллизаторы. Болотная пехота. Я, пожалуй, вас провожу, все-таки первенцы...

– По желтой линии? – на всякий случай спросил я.

– Нет, зачем? Так пойдем.

Мы крутили головами во все стороны, однако ничего интересного не увидели. Это была такая же база, как та, где добывали червей. Те же ангары, те же коридоры. Разве что вместо ледоходов стояли облепленные грязью машины на гусеницах или огромных пухлых колесах. И люди повсюду были не в темных робах, а в серо-зеленой форме. В остальном – то же самое. Даже использованные белые носки точно так же валялись под ногами.

– Вы отвыкайте от всяких там желтых линий, – предупредил Чиз. Вернее, как мне показалось, разрешил. – У нас тут все проще. И вообще лучше. Если вы нормальные ребята, вам даже понравится. И народ получше, и вообще...

Почему-то это двойное «вообще» меня насторожило. И упоминание о «нормальных ребятах» как-то задело. А если я «ненормальный»?

Щербатина такие подробности, похоже, не интересовали. Он поглядывал вокруг, чесал подбородок, что-то прикидывал, тихо хмыкал. Глядя на него, я успокоился. Чего бояться, если рядом этот пройдоха?

– Хотелось бы кое-что спросить, – произнес Щербатин – так осторожно и вежливо, что я даже удивился.

– Давай, – небрежно разрешил Чиз.

– В чем состоит наша миссия? Против кого ведется война? И для кого?

– Ой... – Чиз вздохнул с явным неудовольствием. – Миссия наша – удерживать и расширять сектор. А против кого... – Он замешкался.

– Ну да, – аккуратно поощрил его мой приятель. – От кого удерживать сектор?

– Да вам объяснят потом, – уныло произнес наш командир. – Я здесь по другой части... – Он снова запнулся, начав остервенело чесать затылок. – Ну, тут живут ивенки. На островах. На островах между болотами. А в болотах живут ульдры. И вот эти ивенки этих ульдров иногда отстреливают. С ульдрами мы вроде договорились, а с ивенками что-то никак... И теперь они нас тоже постреливают. Мы защищаемся. И ульдров тоже защищаем.

– Зачем?

– Ну как... По закону Цивилизации, ни одна нация не может угнетать другую и причинять ущерб... и все такое, в общем.

– А они угнетают, да? – не отставал Щербатин.

– Ну, не угнетают. Просто отстреливают ульдров иногда. А как мы высадились, чтобы порядок навести, – они и нас начали отстреливать.

– Вот оно что... – глубокомысленно проговорил Щербатин.

– Да... Мы удерживаем тыл, а гражданские пытаются на-

учить местных жить, как живет вся Цивилизация. Чтоб у каждого было холо, чтоб порядок во всем... Ивенкам это не очень надо, и они упрутся. Все ясно?

– Да, конечно! – с благодарностью закивал Щербатин. – А как отличать ивенка от ульдра? А то как бы своего не подстрелить...

– Вам-то стрелять, может, и не придется, – махнул рукой Чиз. – Все-таки вы не штурмовой легион, вы оккупационные силы. А вообще, у ивенков – тех, что на островах, – волосы длинные. Зато у ульдров бороды рыжие. Или красные. Не перепутаешь.

Чувствовалось, Чиз закончил разговор с облегчением. Я мог сделать только один вывод: человек находится здесь явно не ради борьбы за идею. Раз уж он плохо представляет даже то, в чем эта идея заключается. Видимо, ему нравится сам процесс. Или оплата этого процесса.

– Ну все, пришли, – объявил лейб-мастер Чиз, когда мы оказались в длинном прямоугольном зале с внутренними балконами и большими раздвижными воротами в торцах. Вдоль стен у самого пола тянулись решетки, из которых шел теплый воздух с запахом железа и машинного масла.

– И что нам делать? – спросил Щербатин, с недоумением оглядев пустой зал. Его голос отдавался звонким металлическим эхом.

– Вам нужно подтвердить социальные номера. Сейчас найдем коменданта... – Чиз постучал ногой в железную

дверь, но ему никто не ответил. – Надо же, нету никого... – Он огорчился. – Ну, ничего. Вам надо еще вещи получить. Форму, белье, оружие...

– Носки, – напомнил Щербатин.

– И носки.

Он открыл другую железную дверь и провел нас коротким узким коридором. Там он снова куда-то постучал. Но снова безответно.

– Бездельники, – пробормотал Чиз. – Гуляют где-то. Подождите в зале. Сейчас начнут возвращаться команды с болот. Найдете коменданта – он такой мордастый, в голубом комбинезоне. Или к любому офицеру подойдете, скажете, что новички. Но лучше к коменданту, он такой... голос у него громкий. Не перепутаете.

– А как насчет поесть? – спросил Щербатин и нервно закусил губу.

– Это пожалуйста, – пожал плечами Чиз. – Вон там кормушка, стучите, вас накормят. Там должны быть люди, ужин скоро. А можете еще в корпусе подождать. Там сейчас свободных кроватей много. Программы пока посмотрите...

Мы сдержанно кивнули.

– Я пойду к рамке встречать. Может, нам еще кого-нибудь пришлют.

Мы остались одни. Постучались в кормушку, но ответа не дождались. Впрочем, особо и не надеялись. Наверно, мы прибыли не в самое удачное время – все где-то гуляли. Мы

присели на теплую металлическую трубу. Щербатин машинально пошарил по несуществующим карманам, с опозданием вспомнив, что карманов нет.

– Надо же, – сказал он. – Курить после обезвоживания совсем не хочется, а руки все равно сигареты ищут. По привычке.

– Бывает, – слабо отозвался я. Мне хотелось есть.

– Обаятельный начальничек, да?

– Симпятяга, – кивнул я. – На пионервожатого похож. «Проходите, располагайтесь, здесь – кормушка, здесь – кроватки...»

– И проводил до каждой двери, – с умилением вздохнул Щербатин.

– Странно только, почему он здесь, если все остальные – на болотах?

– Ну... На то он и начальник. А знаешь, Беня, мне кажется, мы тоже сможем здесь тепло устроиться.

– Неужели успел договориться?

– Пока не успел. Но, думаю, договорюсь.

– О чем?

– Пока не знаю. Но эта привольная атмосфера мне смутно знакома. Типичная стройка века. Ты, Беня, знаешь, что такое стройка века?

– Это когда много народа и никто ничего не понимает, но все делают что-то важное.

– В общем, верно. Это когда центр отписывает вагоны де-

нег, надеясь на порядочность и самоотверженный труд исполнителей. А исполнители надеются, что денег еще много, и особо не напрягаются.

– Но это же война, а не стройка.

Щербатин на секунду замолк, прислушиваясь. Видимо, при слове «война» ему захотелось услышать гром разрывов. Но слышен был только шум дождя, колотящего в железную крышу.

– Война... – повторил Щербатин. – В наше время, Бенья, война ничем не отличается от стройки века. Те же инвестиции и те же дивиденды. Ресурсы. Оборотные средства. Тот же бардак. Разница лишь в том, что войну инвестирует государство – самый необразованный и недалекий бизнесмен.

– Это у нас, – возразил я.

– У нас, – кивнул Щербатин. И обвел вокруг руками. – А это все – тоже «у нас». Это тоже наш мир – по праву, по закону. И люди здесь точно такие же – ну, ничем не лучше.

– Наш мир... – кисло усмехнулся я. Сомнительная истина.

– Да, наш. Каждый попрошайка из подворотни теоретически имеет право стать гражданином Цивилизации. Просто мы с тобой, Бенья, и наши земляки – мы все живем на отшибе и мало об этом знаем. И о нас мало кто знает – мы никому не интересны. Мы ничем не можем их удивить или обогатить. Разве что искусством...

– Искусством? – оживился я. – Так ведь я как раз...

– Что? – с легким презрением проговорил мой приятель. –

Что ты «как раз»? Надеешься продать им свои стишки? Ну, попробуй. В армии это популярно. Говорят, солдаты любят посылать девчонкам стихи – можешь стать ротным сочинителем. «Вспоминай во сне солдата – он в дозоре с автоматом». Пол-уцим за страницу, первое холо лет через десять...

– Ладно, хватит трепаться! Объясни все-таки, как ты надеешься тут устроиться?

– Да мало ли! Хотя бы стоять в кормушке. Или выдавать белые носки. Или у тумбочки – стеречь знамя полка!

– Мне уже все равно, – глухо проговорил я.

– Это тебе сейчас все равно, – ядовито усмехнулся Щербатин. – Это пока под огнем в грязи не валялся, все равно.

– Можно подумать, ты валялся, – фыркнул я.

– Мальчик мой! – Щербатин заметно занервничал. – Не забудь, кто я! Вернее, кем был. Я в таких местах валялся, где ты скончался бы, не приходя в сознание. От страха.

– Ну и что? Я тоже валялся.

– Не сомневаюсь. Могу даже угадать, где именно...

Мы вроде бы ссорились, вроде бы просто разговаривали. Это не имело значения. Оба мы понимали, что никакие ссоры между нами невозможны. Ну куда мы здесь друг от друга денемся?

Поэтому я очень легко и без зазрений совести в очередной раз послал Щербатина к черту. Он – меня. Ответить я не успел, потому что вдруг оглушительно заскрежетали, открываясь, металлические ворота.

Ворота были большие, и помещение вдруг словно лишилось одной из стен. Задуло холодным ветром, полетели брызги, донеслись крики, грохот и ворчание моторов снаружи.

Там, на улице, насколько мы могли видеть, остановилось несколько больших грязных вездеходов. Бойцы выпрыгивали из люков и поспешно залетали под крышу, успев за секунду-другую вымокнуть до нитки.

– Что, нельзя было поближе подъехать?! – возмущенно орал кто-то.

Пехотинцы не обращали на нас никакого внимания. Они были настолько грязными и мокрыми, что походили на живой оползень, заполняющий помещение. Едва оказавшись под крышей, они скидывали огромные резиновые полукombineзоны, бросая их прямо на полу, и бежали к решеткам, чтобы погреться в струях теплого воздуха.

– Куда! – раздался вдруг мощный бас. – Заразу разносить?! А ну, построились на анализы!

– Комендант, – сказал Щербатин, толкнув меня в бок.

Действительно, бас принадлежал огромному мордастому мужику в голубом комбинезоне. Он появился из-за какой-то малозаметной двери.

– Где медики?! – рявкнул комендант.

Откуда-то уже спешили, дожевывая на ходу, трое людей

помельче – тоже в голубом, но с красными и желтыми нашивками. Бойцы неохотно отлипли от решеток и потянулись к центру зала, выстраиваясь в неровную шеренгу. Медицинская команда вооружилась какими-то баночками и палочками и пошла вдоль строя, собирая мазки с ладоней и, кажется, с языков.

С улицы тем временем появился еще кто-то мокрый, уставший и сердитый. И такой же громогласный, как комендант.

– Опять тряпье раскидали! – с ходу заорал вошедший, ногой поддавая раскиданные повсюду грязные болотные штаны. – Языками заставлю вылизывать!

Потом он сорвал с головы шлем и с грохотом швырнул его в стену.

– Где старшие?! Почему оружие не собрано?!

Тут же какие-то люди куда-то побежали, в разных концах зала вспыхнули новые очаги ругани.

– М-да... – только и проронил Щербатин, сокрушенно наблюдая за непринужденной обстановкой военной базы.

– «Ребята у нас хорошие», – вздохнул я, вспоминая слова лейб-мастера Чиза.

– Никто, между прочим, не обещал нам легкой жизни, – вполголоса напомнил Щербатин.

– Ну давай. – Я с ехидством усмехнулся. – Договаривайся насчет теплого местечка.

– Подожди, – сказал Щербатин, солидно покачав голо-

вой. – Рано.

В самом деле, время для переговоров явно не настало. Договариваться с орущими, злыми и вымотанными офицерами не представлялось реальным. Тот крикливый, который кидался шлемом, вдруг набросился на бойцов, вставших в кругу у ворот.

– Убрались отсюда, живо! Сейчас антротанки пойдут, мне потом ваши кишки с пола собирать?

Когда я увидел эти самые антротанки, мне захотелось вскочить и немедленно сбежать подальше. С пронзительным скрежетом в зал начали вваливаться несуразные двуногие машины, еще более грязные, чем люди. Они едва не цеплялись верхушками за потолок – в каждой было метра по четыре или пять высоты. Тяжеленные ноги опускались с такой силой, что все вокруг дрожало. Комки грязи валились на пол, разбиваясь в брызги.

– Эй, куда, куда! – закричал вдруг какой-то офицер, выскочив перед передовым танком и отчаянно замахав руками. Но машина продолжала тупо шагать вперед, не собираясь останавливаться. Пехотинцы поспешно разбежались в стороны, а танк, сделав еще несколько шагов, ткнулся в стену и завалился назад, грохнув всеми своими узлами, сочленениями и навесными агрегатами.

– Пену дайте, пену! – раздался неестественный, словно из пустой бочки, голос. – Вода льет на контакты, я сейчас задымлю!

Мы со Щербатиным настолько обалдели от происходящего, что не сразу сообразили – о помощи взывал сам танк! Или, сообразил я чуть позже, человек, сидящий внутри.

– Где техники?! – нервно закричал кто-то.

Появилось несколько человек в серых мешковатых комбинезонах с оранжевыми полосами. Танк действительно задымил, завоняло горелым пластиком. Техники принялись обдавать его из толстых шлангов, заливая желтой клочковатой пеной. Растеклась громадная лужа, потеснившая народ к воротам.

Остальные танки, а их я насчитал восемь, встали вдоль стены и замерли. Техники принялись тянуть к ним толстые кабели, уходящие под пол. Не прошло и минуты, как раздался громкий хлопок, свет в зале померк на мгновение, и у еще одного танка расползлись в стороны железные ноги. Он сполз по стене, оставив глубокие борозды-вмятины. Где-то под корпусом забились бело-голубые искры.

– Убирай кабель! – истошно орал динамик. – Убирай от меня кабель!

Один техник бросился к танку, за что-то схватился, но тут же отлетел в сторону от мощного электрического удара.

– Раздолбаи! – кричал кто-то от ворот. – Дебилы! Кретины!

Я почувствовал, что Щербатин ерзает на месте. Его оптимизм явно пошатнулся. Трудно было представить, что в этом сумасшедшем доме найдется для нас «теплое местечко».

– Группы «Крысолов» и «Заслон» – в столовую! – орали офицеры. – Группа «Шквал» – в мойку, потом в столовую. Группы «Цепь» и «Маятник» – остаются, убирают бардак...

Я поглядывал на танки, ожидая, когда из них наконец начнут вылезать танкисты. Но так и не дождался.

– Эх, Беня, – вздохнул Щербатин. – Сидели бы сейчас в светящихся лишайниках, слушали бы, как падают капельки. Нет вот, потянуло на приключения.

– Люди, между прочим, в столовую идут, – напряженно заметил я. – Может, наконец договоришься насчет нас?

– Рано, – отрезал Щербатин, сурово сдвинув брови.

Зал как-то быстро опустел. Несколько человек еще ходили взад-вперед, отшвыривая ногами болотные штаны к стенам. Потом и они ушли. Остались только техники, которые возились с упавшими танками. Один удалось поднять и поставить на подзарядку. Из второго извлекли какой-то блок и унесли.

Уже уходя, один из техников постучал ногой по грязному исцарапанному корпусу.

– Сипо, мы к девочкам сегодня. Ты с нами? – Он довольно противно ухмыльнулся. – Пошли, весело будет.

– Отвали, – равнодушно ответил танк.

– Да ладно, пошли. Вон на тебе сколько штук навешано. Может, найдется одна для девочек?

– Есть одна штука, – сказал танк и плавно качнул какой-то трубой с обгорелым наконечником. – Для тебя берегу. Ты

сам у меня скоро станешь девочкой.

– Ну, дело твое. – Техник скрылся в ближайшем коридоре.

– Тут и девочки есть? – удивленно пробормотал я.

– Не для тебя, – холодно ответил Щербатин. – С нулевым холо никаких девочек. Отвлекают от самоотверженных трудов на благо Цивилизации.

– Да я так просто... – смутился я.

А про себя подумал: сволочи!

– Ладно, пора двигать костылями, – деловито произнес Щербатин, вставая. Он высмотрел офицера, который возился с кнопками, закрывая ворота. Это был тот самый крикун, который пинал болотные штаны.

– Новенькие, – отрекомендовался мой приятель. – Готовы к труду и обороне.

– Чего? – Офицер поднял на нас усталые недружелюбные глаза. У него было худощавое лицо с острыми, словно специально отточенными чертами. Пятна грязи не скрывали их, а, наоборот, подчеркивали.

– А это что? – Он тронул грязной рукой роскошный халат Щербатина. – Какое холо?

– Ноль! – ответил Щербатин и изобразил пальцами кружочек. Однако его игривый тон не нашел поддержки.

– С нулевым не положено, – сказал офицер. – Снимай. Пусть пока у меня полежит.

Щербатин растерянно обернулся на меня. Оба мы подозревали, что «пока» – это значит «навсегда».

– Снимай, снимай, – с раздражением повторил офицер и протянул руку. – И идите оба к коменданту. Вон та дверь.

– А нам бы поесть...

– Сначала к коменданту.

Ворота наконец сомкнулись, офицер собрался уходить, но вдруг повернулся, что-то вспомнив.

– Ты, – он указал на Щербатина, – пойдешь ко мне, в группу «Цепь». И ты... – Он помялся немного, разглядывая меня. – Ты – к Рафину, в «Крысолов».

Мы в панике переглянулись. Нас хотели разлучить!

– А можно?... – начал было Щербатин.

– Нет, – отрезал офицер. – Ничего нельзя.

Он ушел и унес шитый золотом халат. Щербатин сиротливо шевелил плечами, он был жалок, как черепаха, которую лишили панциря.

– Ладно, – вздохнул он. – Идем к коменданту.

Мордатый громогласный комендант долго с нами не церемонился. Он усадил Щербатина на скамью и поднес к его затылку приборчик, похожий на машинку для стрижки.

– А номер где? – враждебно спросил он, словно мой приятель мог его потерять или пропить.

– Нету, – сказал Щербатин.

– Как это? Вы откуда такие взялись?

– Мы с пищевых промыслов, – с достоинством представился Щербатин. – Там номер присваивается по итогам первой экспедиции.

– И чего? – с подозрением спросил мордovorот.

– Итогом оказалось крушение промысловой машины.

– А-а... – Комендант, видимо, что-то вспомнил. – Вы тут через телепорт...

Он вытянул откуда-то ребристый шланг с металлическим наконечником и, приставив его к голове Щербатина, что-то включил.

– Ой! – вскрикнул Щербатин, и на лице моего напарника промелькнул испуг.

– Следующий, – буркнул комендант. – Ты тоже нулевой?

После щербатинского «ой» мне было страшновато садиться на скамейку. Однако от прикосновения шланга я ощутил только легкий укол в затылок, и комендант сказал обоим: «Свободны».

– А номер? – озабоченно спросил Щербатин.

– Есть номер, – ответил комендант, уже скрывшись за какой-то шкаф.

– А какой?

– Зачем тебе?! – Он высунул свирепую физиономию. – Все равно не запомнишь. Будет надо – поставишь сканер и считаешь. Идите оба на склад.

Мы побрели по коридору, невольно потирая затылки. Казалось, что под сводом черепа завелась какая-то маленькая колючая штучка, которая продолжает беспокоить. А может, и в самом деле что-то вставили.

Мы выяснили, где склад, и отправились туда, но не сразу.

Сначала, набравшись наглости, посетили без особого разрешения столовую. Ничего страшного не произошло – из окошечка нам просунули две тарелки с комбикормом, и мы его с аппетитом проглотили.

Единственная проблема – нам пришлось ужинать стоя. Все места за столами заполнили усталые, злые, малообщительные пехотинцы.

Склад располагался, как нам объяснили, на «минус втором уровне». Подземелье, как и полагается, было сырым. Более того, по стенам стекали струйки воды с улицы. Мы шлепали по лужам в коридорах, потом долго стучали в очередную железную дверь и ждали, пока заспанный кладовщик в чистенькой серой униформе высунулся, окидывая нас подслеповатым взглядом. Лицо его было бесформенным и невыразительным, как картофеля.

– Какая группа? – спросил он.

– Э-э... «Цепь», – вспомнил Щербатин.

– Заходи. Ну, быстрее, быстрее...

– А я – «Крысолов», – представился я.

– А ты жди. – И железная дверь закрылась.

Мне пришлось несколько минут наблюдать, как по стенам стекают капли и бегают рыжие многоножки. Щербатин вышел, волоча на себе охапку серо-зеленого барахла. Кроме того, на спине его висела облупленная металлическая труба с двумя рукоятками. Я подумал, что с оружием такого размера можно заниматься разве что уничтожением слонов и но-

сорогов.

Щербатин взглядом указал мне на дверь, и я вошел. Хозяин долго блуждал в лабиринтах стеллажей, потом вынес мне точно такую же охапку, как у Щербатина.

– Ты сказал, «Крысолов», да? – Он наморщил лоб.

– Да-да, – поспешно закивал я.

– Сейчас, обожди еще... – Он снова скрылся.

Новая форма была такой же сырой, как весь этот подвал. Я начал перебирать вещи. Мятые влажные штаны с курткой. Плотный и тяжелый бушлат. Шлем, ремень. Небольшой, но тяжеленький нож. Сапоги – чуть повыше и покрепче, чем мои прежние, промысловые. Жилет с твердыми вставками. Рюкзак, внутри – стопка белых носков, какие-то флаконы, щетки, серая коробочка, обмотанная проводом. Серое грубое белье...

– На, получай. – Кладовщик выложил передо мной замысловатое ружье, все состоящее из каких-то трубочек. – И боезапас. – Рядом легла матерчатая сумка, поделенная на продолговатые карманы. В каждом – небольшой баллончик желтого цвета.

– Это что?

– Огнемет, – равнодушно ответил кладовщик и зевнул. – «Крысоловам» огнеметы положены. Приставку будешь брать?

– Какую? Зачем?

– Электрическую, конечно. – Он вытащил и грохнул о стол

две увесистые штуки, соединенные проводом. – Вот это цепляешь под ствол, а это – на ремень. Или в рюкзак.

– И что дальше?

– Опускаешь в воду, жмешь на спуск – и готово. В радиусе пятнадцати метров ни одна тварь не усидит, выскочит с воплем. Ни одна не подкрадется.

– А люди?

– А что люди? У людей гидрокостюмы. – Он шлепнул ладошкой по болотным штанам. – Если не промочил, все нормально. А промочил – лучше не пробуй. Ну, берешь приставку?

– Беру, – кивнул я, решив, что бросить ее под кровать, если не понравится, никогда не поздно.

– Там комнатка. – Кладовщик кивнул в сторону коридора. – Наряжайтесь сразу. Старое барахло сюда принесете. А вообще, – он преодолел затяжной зевок, – оставьте там, я сам заберу.

Щербатин уже начал примерку. В крошечной комнате стояли две скамейки и даже некоторое подобие зеркала – обгоревшая дверь, снятая с какой-то машины. Большое затемненное стекло худо-бедно отражало мир.

– И это называется военная форма, – ворчал Щербатин. – Да я в своей пижаме выглядел в три раза воинственней.

И правда, мятые бесформенные вещи с военного склада бравого вида ему не придавали. Деформированное стекло-зеркало еще больше уродовало грузную и нескладную

фигуру Щербатина. Впрочем, форма могла еще отвисеться на плечах.

– А ты поправился, – заметил я.

– Еще бы! Ты тоже покруглел. Это называется восстановлением после обезвоживания.

Я скинул промысловую робу и тоже начал одеваться. Влажное белье холодило кожу, в отсыревшем подвале это было не очень приятно. Одеваясь, я поглядывал на свое отражение, и надо сказать, это тоже не прибавляло радости. Моему взору представал довольно жалкий и потрепанный субъект, больше похожий на грузчика с овощебазы, чем на воина великой Цивилизации.

Потом ситуация стала меняться. Я затянул ремень, и это придало фигуре какую-никакую форму. Я надел жилет – он прибавил мне плечи и вообще увеличил торс. Затем я примерил шлем, который сгладил не очень удачные обводы моего черепа. Из сырого теста действительно получался воин.

Потом я взял в руки огнемет. Отражение в стекле почти не передавало деталей, оно демонстрировало лишь силуэт. Чего-то не хватало. Может быть, нож следовало повесить немного повыше и наискосок, чтоб не болтался? Наконец, я понял – нужно заправить концы брюк в сапожки.

Из зеркала на меня смотрел другой человек. Нет, конечно, человек был тот же – я сам, но суть изменилась. Фантазия невольно добавляла моему грозному силуэту несуществующие черты. Я видел себя смелым, быстрым, решительным.

Я скользил меж болотных зарослей, наводя ужас на врагов ревом огнемета. Я, стиснув зубы, выносил из-под огня раненого командира. А потом я отдыхал, скинув шлем, на сухом островке под деревом. Я угрюмо смотрел в пустоту, а в руке дымилась забытая сигарета. Впрочем, здесь никто не курит, сигарета отменяется.

И вдруг я услышал тихий смешок Щербатина.

– Расслабься, – сказал он. – Здесь никто не оценит твоей героической стойки.

Я вяло огрызнулся. Мне захотелось побыть одному, посмотреть подольше на свое отражение. Что-то произошло, когда я надел форму и взял оружие, что-то изменилось.

Я никогда не чувствовал себя воином или бойцом. Солдатом – да, в армии. Но это совсем не то. Солдат – существо безликое, униженное, мелкое, лишенное прав. Солдат – обязательно чей-то раб.

Воин – другое дело. Он сам по себе имеет ценность, без легиона себе подобных за спиной. Воин выносит приговор и исполняет его. Он выше и значительнее других, потому что он – надежда, защитник, спаситель. Ему многое прощают, потому что его жизнь ненадежна, неустроена и в любой момент может закончиться. Ему позволяют насладиться жизнью, пусть даже короткой.

И вдруг это бремя достается мне! Просто так, по прихоти судьбы. Неужели любой может стать воином? Неужели в каждом человеке зреет запас силы, мужества, самоотвержен-

ности, который позволяет ему так просто, в один момент, стать воином и не бояться опасностей войны?

Я искоса и чуть свысока глянул на Щербатина, который в данный момент путался в ремнях и пряжках. Щербатин надеялся с кем-то договориться и просидеть весь срок в какой-нибудь кладовке.

Я буду воином. Мужчина должен быть готов к этому – оставить плуг и взять меч. Если так нужно. И не важно, за что и для кого я буду рисковать. За себя. За свое первое холо.

Вот такие раздумья владели мной, пока Щербатин неслышно надо мной хихикал, подгоняя форму. Мне до его иронии не было дела. Щербатину никогда не стать настоящим воином. А мне – посмотрим...

– Бенья, – сказал он, – если ты вдоволь насладился своим глупым видом, пошли наверх. Только не надо пыжиться и выпячивать грудь. Ваять с тебя памятник тут никто не будет.

Я посмотрел на Щербатина. Он и в полевой форме выглядел жуликоватым кладовщиком.

– Крыса ты тыловая, – сказал я ему. – Вот ты кто.

Часть II

ВОИН

– Умеешь обращаться? – спросил дежурный офицер, возвращая мне огнемёт, который я на ночь сдал в оружейку.

Я неопределенно повел плечами. Я, конечно, не умел.

– Смотри... Баллон сюда. До щелчка, понял? Потом закручиваешь эту штуку, пока не пшикнет. Крутится тяжело, но ничего, привыкнешь. Сдвигаешь рамку – освобождается вот эта тяга. Все, готов к бою. Аккуратней. Рамку на место поставь, а то шамальнешь сейчас...

Я принял огнемёт в свои не очень твердые руки и встал в строй. Пехотная команда «Крысолов» в количестве двадцати одного бойца выстроилась у ворот и вот-вот должна была выйти под враждебное небо. На меня поглядывали. Я старался не замечать.

У меня побаливала голова – ночь выдалась тяжелая. Казарма размещалась в огромном длинном помещении, где, кроме меня, было еще человек триста. Всю ночь стоял шум – кто-то кашлял, кто-то вскрикивал, некоторые слезали с кроватей и ходили туда-сюда. Вдобавок до самого утра по крыше молотил дождь.

Затем был подъем под вой сирены, огромные очереди в туалеты и умывальники, сутолока у кормушек в столовой.

Сейчас мне ужасно не хватало чашки крепкого кофе.

– Зачем эту ерунду взял? – шепнул мне сосед слева.

– Какую? – Я не без труда повернул свою большую голову.

На меня смотрел рыжий боец с бледной кожей и неестественно широко поставленными глазами. Брови и ресницы у него тоже были рыжими, почти незаметными. Он походил на грустного лягушонка.

– Вот эту. – Он постучал пальцем по батарее разрядника, которая висела у меня на ремне. – Намучаешься с ней. А применять нельзя – кругом свои, все в воде. Зря.

– Так ведь гидрокостюмы... – растерялся я.

– Почти все дырявые. И у тебя будет дырявый. Зря взял.

– Не знаю... – Я еще больше растерялся. – Может, пока оставлю в казарме?

– Ты что! Пропадет – вычтут ущим из выслуги. Таскайся теперь с ней. Вечером сдай обратно на склад.

– Ага. Слушай, а...

– Тихо! – шикнул рыжий. – Сейчас накачка будет.

Перед строем появился офицер в серой форме, без шлема и оружия. Он мне сразу очень понравился – пожилой, благородный, с хорошей классической сединой на висках. У него было честное лицо, оно располагало к душевному разговору.

Наверно, мы тоже ему нравились. Он смотрел на нас потцовски. Нет, скорее, как смотрит учитель на повзрослевших учеников. Смотрел без суеты, без спешки, успев каждому заглянуть в глаза.

– Вижу, есть новички, – произнес он с легкой грустью. Я невольно подобрался, но он глядел куда-то мимо.

– Цивилизаторы! – сказал он громко, веско, чуть с хрипотцой. – Не ваша вина в том, что вы тратите лучшие силы тут, на роковой земле, погрязшей в подлой крови, злобной жестокости и несправедливом угнетении наций друг другом! Вы могли бы сейчас возводить огромные и разнообразные города! Или конструировать автоматические машины и приборы! Или гениально создавать всякие талантливые шедевры, чтобы счастливая радость рождалась на глазах наших дружеских собратьев!

Только что был добрый душевный папочка – и вдруг туповатый докладчик, профессиональный метатель лозунгов. Не очень, впрочем, профессиональный. Я с удивлением посмотрел на седого офицера. И сразу заметил – в глазах у него появилось что-то деревянное, негибкое, дебильное.

– ...Но пришло суровое время, и оно живет по своим законам, – продолжал «папочка». – Вам нашлась смертоносно опасная работа в водавийских болотах, чтобы и тут засияло солнце разумной человечности. Этот непосильно суровый труд вы осилите на пределе нечеловеческих возможностей, потому что больше некому это совершать. Вы вернете мирное счастье этой трагической земле, задыхающейся в невинной крови умирающих жертв...

Пожилой и благородный, похоже, сам плохо понимал, что говорил. Зато экспрессии в его голосе было выше крыши. Я

вспомнил – мой сосед назвал это представление «накачкой».

Офицер тем временем сделал паузу и прошелся перед строем, красиво склонив седую голову.

– Наши братья ульдры – эти чистые и восторженные дети природы – кричат от боли и ужаса перед натиском злобно-го коварства ивенков. Их невинные глаза плачут под колесами смертоносных боевых машин, их погибающие младенцы тонут в кровавой мясорубке несправедливой войны. Наше оружие требует отомстить за справедливость!

Тут, наверно, нам полагалось крикнуть «ура», офицер даже примолк, чтобы нам не мешать. Но никто не кричал. Пехотинцы смотрели кто куда, терпеливо дожидаясь окончания речи.

– Вы уходите, – с горечью проговорил докладчик. – Уходите, чтобы защищать великие ценности Цивилизации от жестокости коварных замыслов. Я – фельд-мастер Фими-То – тоже когда-то стоял в строю и готовил свои мысли к решительной борьбе. Но сегодня я должен провожать вас – сильных, юных, полных замыслов и надежд, – провожать в коварные водавийские болота, навстречу кровавым жестокостям...

Я не выдержал и тихо спросил соседа:

– У нас такая лекция будет каждый день?

– Нет, – помотал головой «лягушонок». – Просто сегодня в команде много новичков.

– ...Сотни миров еще ждут применения наших несгибае-

мых рук! – прогремел торжественный голос фельд-мастера, и на этом, к счастью, все кончилось. Он склонил голову и отошел в сторонку.

Надо думать, после такой речи новобранцы должны были со всех ног бежать в болота, чтобы рвать и метать, не щадя живота, презрев опасность и так далее. Но у меня никаких порывов не возникло. Прежде всего я еще плохо знал, кого именно я должен рвать и куда затем метать. А главное – за что, за какие «кровавые жестокости».

И вообще, меня удивило, что могучая Цивилизация пользуется такими дешевыми методами пропаганды. Могли бы хоть актера профессионального нанять... или поэта, чтоб придумал хороший текст.

Командиром нашей группы, как я вчера выяснил, был кавалер-мастер Рафин-Е – человек совсем молодой, но очень резкий и постоянно сердитый. Он вышел к нам и моментально рассеял патриотические чары, витавшие после выступления седого фельд-мастера.

– Работаем в оцеплении космопорта, – сказал он, пристально разглядывая какую-то ссадину на своей ладони. – Как всегда, стоим в первой линии после автоматики. Новички!

Я и еще несколько бойцов вздрогнули и невольно расправили плечи.

– Учить вас, как видите, некогда, – сообщил кавалер-мастер. – Смотрите на других и учитесь сами. И не фокусни-

чать. Все, бегом к машинам!

Он пошел первым. Группа смешалась и, обгоняя командира, бросилась к выходу. Я видел, что все спешат, и тоже поторапливался. Вдруг в машинах не хватает мест и мне придется всю дорогу стоять?

Я пробежал всего несколько шагов, когда полностью осознал свою ошибку насчет электрошокера. Батарея так молотила по ноге и так мешала бежать, что хотелось ее отшвырнуть подальше – пусть потом вычитают сколько угодно уцим.

Нас ждали вездеходы на больших – в человеческий рост – колесах. Раздрызганный двигатель тархтел, отравляя воздух. Цивилизации явно не было дела до экологических проблем. Перед тем как втиснуться в небольшой квадратный люк, я успел немного оглядеться. Однако смотреть было не на что – поблизости имелся лишь длинный высокий забор, а также несколько ангаров, тонущих в тумане. Дождь прошел, мир был насквозь мокрым.

Машина пошла, мягко качаясь. Дутые колеса хорошо пружинили. В узеньких щелях-окошках мелькала бледно-зеленая растительность, иногда виднелись просветы пасмурного неба.

Вскоре у меня начала уставать шея. Шлем оказался не таким уж и легким, особенно без привычки. Я взял да и снял его, положив на колено. Тут же рыжий сосед толкнул в бок.

– Ты что! – воскликнул он. – Расшибешь голову на первой же яме. Надень обратно!

По счастью, нам не подалось ни одной приличной ямы. Однако шлем я надел и покорно мучился в нем. Вообще, неудобств хватало. Гидрокостюм был, само собой, без вентиляции, и я весь взмок. И вдобавок отбил зад о жесткую скамейку. «Ничего, привыкну, – думал я, – со временем и в резиновых штанах дырки появятся, и задница ороговееет...»

Машина встала, сильно качнувшись. Мы высыпали на бескрайнее бетонное поле космопорта. Вокруг было полно бойцов, все куда-то торопились. Команды разбегались по позициям.

– Стоим, – объявил наш командир и ушел.

Сзади прогрохотали железные ноги – четыре антротанка, сотрясая бетон, топали согласно назначению. Потом я увидел Щербатина. Его группа тоже куда-то бежала, бежал и Щербатин, обхватив обеими руками свое диковинное оружие. Он был запыханным, красным, его лицо выражало полную обескураженность. Видать, давненько никуда не бегал – обычно за него бегали другие.

Очень далеко сквозь туманную дымку просматривались несколько серых куполообразных зданий. Я искал глазами боевые звездолеты – все-таки мы на военно-космической базе, – однако так и не увидел ни одного. Вообще, поле было пустынным. Лишь где-то перекатывались машины, похожие отсюда на игрушки, да копошились люди-муравьи.

– Построились! – скомандовал Рафин-Е, неизвестно откуда взявшийся. – По одному с интервалом, встали, быстро!

Он подозвал жестом какого-то человека в серой форме, с круглым баком за спиной и коротким шлангом в руках.

– Поднимите руки и закройте глаза, – без выражения произнес человек и пошевелил шлангом.

Я еще не очень-то доверял здешним традициям, поэтому остерегся закрывать глаза. А если сейчас он этим шлангом меня по физиономии?..

– Зажмурься, а то глаза заболят, – посоветовал рыжий «лягушонок». – Это брызги от мошек.

Нас опрыскали едким пахучим раствором, от которого у меня немного защипало кожу. После этого командир скомандовал «Бегом!» и, как всегда, двинулся первым.

Прямо от края бетонного поля начиналось болото. Группа немного сбавила ход на границе жижи и тверди. Рафин-Е обернулся и крикнул:

– Шилу, живо ко мне!

Самый здоровый из нашей команды боец подбежал к кавалер-мастеру, закинул огнемет за спину и затем присел на корточки. Командир проворно запрыгнул ему на плечи.

– Прямо! – скомандовал наездник.

Перед нами лежало болото – такое же ровное, как поле космопорта. Небольшой бережок порос блеклыми кустами. За ним простиралась желто-зеленая, тонущая в дымке бесконечность. Ее однообразие нарушали низкорослые кривые деревца, темные бока старых полугнилых древесных стволов, комки спутанных веток, а также всякий мусор, брошен-

ный с территории порта.

Едва мы сошли с покрытия поля, под ногами зачавкало. Мы углублялись, и я почувствовал холод сквозь ткань гидрокостюма. Вскоре мы перестали видеть порт – его прикрыла дымка, стелющаяся над гнилой водой.

Я начал проваливаться – сначала по колено, затем по пояс. Несколько раз рыжий знакомец помогал мне выбраться, но потом потерял терпение.

– Не ходи по ровному, – сказал он. – Где ровное – там топь. Прыгай по островкам.

Деревья здесь долго не жили. Они росли, пока корни могли держать вес ствола. Потом заваливались, а на их остатках цеплялись новые побеги. Таким образом получались островки-кочки, спутанные комки растительности, массивные и упругие. По ним хорошо было прыгать, но требовалась осторожность, чтобы не запутаться и не рухнуть во весь рост в жижу.

Ногам было прохладно от постоянного контакта с водой, верх же окончательно взмок. Батарея на поясе уже просто бесила.

В тумане обрисовалась неказистая фигура антротанка, застывшего враскорячку посреди обширной булькающей заводди.

– Стой! – крикнул Рафин-Е, который с комфортом ехал на плечах подчиненного. – Разбиваемся в цепь! Десять шагов интервал, по одному в линию, живо!

Я поспешил занять самое удобное место – на куче прочных, сплетенных намертво стеблей. Там было совершенно сухо и вдобавок мягко. Можно было сидеть, свесив ножки.

Но стоило спокойно перевести дух, как меня окликнул рыжий «лягушонок».

– Так нельзя! – с тревогой заговорил он. – Тебя же отовсюду видно. Спрячься за кучей!

Я оглянулся. За кучей вяло шевелилась желтоватая блестящая трясина.

– Да-да! – закивал «лягушонок». – Прямо туда.

Я вспомнил рекомендацию кавалер-мастера: брать пример со старожилов. Наверно, в этом был резон. Я сполз с облюбванной кучи и почувствовал, как болото обхватило мои ноги.

– А не засосет?

– Нет, – почему-то засмеялся боец. – Никто не засосет.

Он отправился выбирать место для себя, а я задумался: «никто не засосет» – это достаточная гарантия безопасности?

– Эй, новенький! – раздался из-за спины голос кавалер-мастера. – Как там тебя...

– Пехотинец Бенья, – отозвался я, содрогаясь от отвращения к собственной кличке. Надо будет узнать, нельзя ли ее поменять.

– Бенья... – Командир хмыкнул с высоты чужих плеч. – Если увидишь чего – просто крикни, понял? Других позови.

Сам не стреляй, а то своих спалишь сдуру. Понял, нет?

Я сдержанно кивнул.

– И это еще... Вернешься на базу – волосы сними с лица. У тебя паста в рюкзаке есть.

Я невольно потрогал щетину. После обезвоживания она росла медленно, но все же росла.

«Лошадка» Шилу повез Рафина-Е дальше, а я подумал, что неплохо бы как-нибудь, проявляя чудеса героизма, вынести раненого кавалер-мастера из-под огня. Чтоб он не называл меня «эй, новенький» и не говорил, что я действую сдуру.

Мое погружение в трясину тем временем остановилось на уровне пояса, за край гидрокостюма вода пока не затекала. Ноги уперлись во что-то плотное, и я чувствовал, как это плотное тихонько ходит вверх-вниз, словно дышит. Видимо, это было не дно, а слой перегнившей растительности.

Я начал устраиваться, переступать с ноги на ногу, искать надежные опоры. Дождался того, что рыжий сосед сердито зашипел на меня:

– Тихо! Не шевелись, замри. Сейчас всех змей и жуков сюда соберешь своим шумом.

Я как стоял – так и застыл. Ни про каких жуков я, естественно, и не слышал. Мало нам кровожадных и подлых ивенков, так еще и жуки со змеями! Немедленно мне стало казаться, что кто-то тихонько шевелится у самых ног, обвиняет, цепляет резиновые штанины острыми жвалами. Лучше

бы он мне ничего не говорил!

Я украдкой взглянул на соседа. Он устроился за небольшим гнилым стволом, став почти невидимым на фоне зеленой слизи. Он лежал, и я удивился, как он еще не промок до нитки. А может, и промок. Может, нужно промокнуть насквозь и обвалиться в грязи, чтобы стать незаметным и выжить.

– Эй, – тихо позвал я. Сосед тут же навел на меня свои широко расставленные глаза. Кивнул вопросительно. – Что делать теперь?

– Ничего не делай. Гляди туда – и все.

– И долго? Это на весь день, что ли?

– Нет, не очень долго. Командующий кого-то встречает в порту. Как он уедет, так нас и отзовут.

– Ладно. Как тебя зовут-то?

– Нуй.

– А я – Беня, – вздохнул я.

– Да знаю...

«Он знает. Все знают. Еще денек-другой, и сменить имя будет уже невозможно».

* * *

Довольно скоро меня начала одолевать хандра. Время шло, ничего не происходило, а желто-зеленая болотная страна была молчалива и однообразна. Откуда-то стала появ-

ляться уверенностью, что эту гниющую зелень мне нюхать до конца жизни. Очень короткой, быть может, жизни.

Сонная булькающая равнина сама по себе взгляд не радовала. Хотя и говорят, что в болотах есть своя красота, что даже ими можно любоваться. Я бы с удовольствием полюбился из окна теплого сухого домика или хотя бы из машины. Но когда стоишь по пояс в грязи, а где-то рядом копошатся невидимые твари... Что тут говорить?

Сначала я пытался себя убедить, что участвую в захватывающем приключении. Старый, в общем-то, прием. Допустим, едешь в поезде, скучно. Начинаешь играть с собственной фантазией – представлять, что это не поезд, а трюм старого сухогруза, который, например, перевозит на другой континент нелегальных эмигрантов. Или что ты везешь секретный микрочип, а за тобой охотится мафия. Такой тренинг помогает бороться с унылостью.

Однако на этот раз моя фантазия меня предала. Почему-то стали представляться мозаики, много лет украшавшие стены нашей школы. Там мускулистые героические космонавты держали в руках какие-то кристаллы, а рядом не менее мускулистые колхозницы гордо увязывали снопы. Реально я был сейчас героическим космонавтом, однако ощущал себя колхозницей. Все получалось шиворот-навыворот – почему?

Наверно, для любого ощущения нужен свой возраст. Было бы мне лет шестнадцать – с какой радостью плавал бы в этих болотах! Глаз бы не сводил с пузырьков и разводов на

воде. Огнемёт бы свой затискал до блеска. Но сейчас... Нет, в жизни уже был этап, когда я понял – ну не стать мне героем, хоть ты тресни.

А сильных чувств ох как хотелось! И выход нашёлся сам собой – творить! Искать чувства в самом себе, внутри, в душе – это точно такие же чувства. Только без физического напряжения, без риска, без выбитых зубов и без цинкового гроба на неожиданном повороте судьбы.

И вот, когда я убедил себя, что моя доля – синтезировать эмоции и не собирать их по свету, – именно тогда меня и занесло на проклятые окраины Цивилизации. Эмоций хоть отбавляй, только счастливым они меня уже не сделают. Произошло очередное дурацкое недоразумение – я попал не в свою тарелку. Одно радовало – умник Щербатин, самоуверенный, высокомерный, все знающий наперед, – оказался не лучше меня и тоже месит грязь где-то неподалеку.

И тут я услышал тихий осторожный свист. Меня звал мой сосед Нуй. Его лягушачьи глаза вдруг задорно блеснули, и он кивком указал вперед. Как раз туда, куда я должен был сейчас смотреть, не смыкая глаз.

Сначала я ничего не увидел, кроме обычного вялого шевеления на осклизлой поверхности болота. И наконец понял: что-то в этом шевелении было посторонним. Что-то целенаправленно двигалось, раздвигая плавучий мусор.

Я еще не успел разглядеть, что именно побеспокоило застоявшуюся воду, а сердечко уже принялось колотиться в

скоростном режиме. Сгоряча я решил, что проглядел вражескую вылазку на своем секторе, что сейчас завяжется бой, в котором я буду, естественно, дурак-дураком.

Наконец, я разглядел. С расстояния в полтора десятка метров был виден округлый предмет, выступающий над водой. Словно бы перевернутый бельевой тазик плыл себе по своим делам.

«Тазик» двигался по сложной траектории. То подплывал к кустам и замирал возле них, то начинал кружиться на одном месте, а то вдруг разгонялся на просторе и тыкался затем в кучу перегнившей растительности.

Боковым зрением я заметил, что Нуй тихонько зашевелился. Он осторожно приподнялся над бревном, перекинул на него свой огнемет, что-то подкрутил в нем. И, выждав момент, врезал ревушей огненной струей прямо по неопознанному плывущему объекту!

На поверхности тут же взметнулось коптящее огненное облако. «Тазик» выпрыгнул из него, махая десятком толстеньких мохнатых ножек, раздался жутковатый визг, который, впрочем, быстро оборвался.

Существо гибло, но пыталось выбраться из смертельного жара. Это было бесполезно – огонь окружил его кольцом. Сама вода полыхала, и над рваными языками пламени шевелилась кромка черного дыма.

Меньше чем за минуту все закончилось. Огонь еще немного полизал потревоженную воду и выдохся.

– Жук! – сказал Нуй. – Видел, какой?

– Да... – еле шевеля губами, выдавил я. – Видел.

А потом подумал: неужели здесь каждый день вот так торчат сотни человек и для развлечения поджаривают обитателей болота? Неужели нельзя заменить живые цепи какой-нибудь сигнализацией, а людям поручить более живое и нужное дело?

«Не твое собачье дело, Беня», – сказал мне внутренний голос.

Нуй безмятежно вытряхивал воду из своего огнемета. Я тихо свистнул ему.

– Долго мы тут еще будем?

– Так ведь транспорт еще не пришел, – ответил он. – Как сядет, значит, недолго осталось. А когда, никто точно не знает.

– Как это – не знает? А если он только завтра прилетит?

– Нет. – Нуй весело рассмеялся. – До обеда должен сесть.

«Кажется, неплохой парнишка, – подумал я. – Веселый, открытый, общительный. Надо бы сойтись с ним поближе. Все лучше, чем слушать ходячую язву по фамилии Щербатин».

– А вот! – воскликнул вдруг Нуй. – Слышишь?

Я еще не слышал, но уже чувствовал, как начал тихонько дрожать воздух. Потом стал нарастать тяжелый угрожающий гул. Дрожь перешла на воду, по которой даже пошла мелкая рябь.

Гул перешел в рев, становящийся с каждой секундой все оглушительнее. Болото отозвалось на него, выпустив целые тучи пузырьков. И наконец, из дымки показался край здоровенной махины, плывущей по воздуху прямо на нас.

Она прошла низко-низко, казалось, до нее можно докинуть камень. Вся в струях дыма, в мареве дрожащего воздуха. Мне удалось разглядеть неровный, словно обглоданный низ космического судна, хотя в те минуты, честно сказать, было не до любования. Дрожащий рев двигателей заполнил мир, и в этом мире стало так тесно, что не осталось места для того, чтобы выпрямиться и вдохнуть полной грудью. У меня было такое чувство, словно меня на пару минут придавило бетонной плитой.

Часовой в те минуты из меня был, прямо скажу, никудышный. Целое стадо ревущих слонов могло пройти мимо – я бы ничего не заметил. Я зажмурился, съежился и ждал, когда небесный тяжеловоз пройдет наконец дальше.

Шум ослаб, зато сверху начала оседать какая-то едкая влага, скорее всего отработанное топливо. Все, кого я видел, начали чихать и вытирать слезящиеся глаза.

– Теперь смотри внимательно, – сказал Нуй, когда мы наконец пришли в себя.

– Куда? – не понял я, решив, что он хочет показать очередного плавучего жука.

– В болота смотри. От шума что угодно может быть – коровы из берлог побегут или дно провалится.

– О господи... – пробормотал я. – Какие еще коровы...

– И на воду смотри. Ивенки под водой с трубочками плавают. Что заметишь – говори мне.

От такой новости я на мгновение потерял бдительность, и холодная вода затекла-таки в мой гидрокостюм. Но я даже не обратил на это внимания, я во все глаза принялся смотреть на воду, под которой, согласно новым данным, могли плавать ивенки с трубочками.

Никогда еще я не был так внимателен и насторожен. Служил не за страх, а за совесть. Впрочем, нет. Все-таки за страх.

– Нуй, – позвал я дрогнувшим голосом, – а какое у них оружие?

– Тихо, – сказал он. – Потом.

«А если не замечу, – бродили в голове панические мысли. – А если не соображу вовремя...»

В этот момент неподалеку полыхнула огненная струя. Тут же к ней присоединилась еще одна – на левом фланге кого-то жгли. Послышались крики. Я весь сжался и подобрался, готовясь к отражению атаки. Но пока рядом было тихо, да и Нуй не проявлял особого беспокойства.

Огнеметы замолчали, однако там, на поверхности болота, продолжало коптить злое пламя. Как оказалось, это было последнее происшествие за день. Ничего так и не произошло, на меня никто не бросился, и Ную не пришлось спешить мне на помощь.

Я был этому ужасно рад и в то же время разочарован. Нет, больше все-таки рад. Для первого раза все сложилось неплохо. Я прошел через боевую, можно так сказать, операцию и остался жив. Значит, смогу жить и дальше.

Прошло какое-то время, и за нашими спинами раздалось лязганье и скрежет – по болоту шлепал антротанк. Устроившись на каком-то выступе, к нам добирался наш командир, кавалер-мастер Рафин-Е. Он объявил отбой, и мы с радостными возгласами принялись выползать из грязищи на твердь земную.

Голый бетон космопорта показался мне уютным и комфортным, как бархатный покров на царской кровати. Усталые команды, стряхивая грязь и воду, собирались в кучки и гутарили. Вдалеке, возле куполообразных зданий, возвышался корпус прибывшего транспорта. Это был поистине огромный корабль – он, пожалуй, мог накрыть своей тенью небольшой городской район. Правда, очертания он имел какие-то неопределенные. Нечто среднее между чайником и хлебным батоном.

Нас быстро и энергично построили по командам, затем подошли наши броневишки, моментально загадив воздух выхлопами. Рассевшись по машинам, мы наконец перевели дух, но, как вскоре выяснилось, зря.

Поездка к дому продолжалась не более двух минут. Колонна неожиданно встала, в люк заглянул неизвестный офицер и в решительной форме предложил нам покинуть маши-

ны. Пехотинцы недовольно загудели, но поползли наружу.

Выбравшись, мы оказались практически под брюхом гигантского космического грузовика. Воняло какой-то химией, на поле все еще осыпалась мелкая гарь. Из чрева космолета тянулось десятка два трапов и транспортеров, бегали туда-сюда люди, шли непрерывной чередой тюки, ящики, контейнеры.

– Штурмовые команды, – сказал Нуй. – Пополнение.

В его голосе была и зависть, и легкое почтение, и та малая капля враждебности, которая почти всегда сопутствует и почтению, и зависти. Я тоже обратил внимание на новоприбывших – они как раз спускались по широкому трапу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.